

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ХОЛОДНЫЕ
БЕРЕГА**

ЗВЕЗДНЫЙ

ДАБРИНТ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Холодные берега

Серия «Искатели неба», книга 1

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119452
Холодные берега: АСТ; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-010363-8*

Аннотация

Две тысячи лет назад в мир пришел Богочеловек, он совершил великое чудо и, уходя, оставил людям Слово, при помощи которого можно совершать невозможное. Но Слово доступно не всякому, обладать же им жаждут многие. И часто страшной смертью умирают те, у кого пытались Слово выпытать. Случилось, однако, так, что Словом, похоже, владеет мальчишка-подросток, оказавшийся в каторжном аду Печальных островов. Заполучить юного Марка, способного изменить судьбу мира, желают многие – защищать же его согласен лишь один, бывалый вор Ильмар...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая,	4
Глава вторая,	28
Глава третья,	57
Глава четвертая,	82
Глава пятая,	108
Часть вторая	129
Глава первая,	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Сергей Лукьяненко

Холодные берега

Часть первая

Печальные острова

Глава первая,

в которой я делаю выводы

и пытаюсь в них поверить

Плеть в руках надсмотрщика казалась живой. Она то спала, прикорнув на мускулистых, поросших курчавым рыжим волосом руках, то лениво потягивалась, едва не касаясь плеч каторжников, то, рассвирепев, начинала бросаться из стороны в сторону, посверкивая крошечным медным наконечником.

И лицо надсмотрщика, всегда скучное и безучастное, будто говорило: это не я, не я, без обид, ребята! Она, она – что хочет, то и творит...

– Ну, разбойнички, душегубцы... бунтовать будем?

Нестройный хор голосов ответил, что нет, никак не соби-

раемся. Надсмотрщик выдавил улыбку:

– Хорошо, радуете старика...

Для надсмотрщика он и впрямь был стар – лет сорок, пожалуй. Редко до таких лет доживают на его работе – кого придушат цепью, кого затопчут ногами, а кто и сам уйдет, подкопив деньжат, от греха подальше. Лучше уж маршировать в строю или бродить по ночным улицам в худой кирасе стражника, чем иметь дело с десятком-другим готовых на все негодяев.

Но этот, с укоренившимся прозвищем Шутник, был слишком осторожен, чтобы попасть в руки отчаявшегося, и достаточно умен, чтобы не злить без нужды весь этап. Велик ли труд – разобраться, кто виноват, прежде чем пустить в ход плеть, или прикрикнуть на кашевара, чтобы из недоворованных остатков провианта сумел сготовить что-то съедобное?

А нет... не каждый это понимает. Вот и вспыхивают в трюмах кораблей такие безумные бунты, после которых растерянные офицеры и следов не находят от свирепых, здоровенных бугаев. И остается одно – вешать каждого третьего, хоть и это угомонит каторжников лишь на время.

– А ты, Ильмар? Еще не разобрался с замками?

Тяжелая рука опустилась мне на плечо. Ох, здоров Шутник! Не хотел бы я его рассердить – даже без цепей.

– Что ты, Шутник. Не по зубам они мне.

Надсмотрщик, нависший над моей койкой – почетной, носовой, с одним только соседом, – осклабился.

– Это верно, Ильмар... верно. Только у тебя за зубами еще и язык есть. А? Может, есть у тебя Слово, а на то Слово – связка ключей прицеплена?

На миг его глаза стали жесткими, буравящими. Опасными.

– Будь у меня Слово, Шутник, – тихо сказал я, – не болтался бы вторую неделю в этой вони.

Шутник размышлял. Потолок в трюме был низкий – чего уж тут, зачем для каторжников стараться, и он невольно горбился, чтобы не задеть болтающийся прямо над головой фонарь.

– Тоже верно, Ильмар. Значит, судьба твоя – дерьмо нюхать.

Он наконец отошел, и я перевел дух.

Дерьмо – не беда. И не такое терпели. Другое дело – рудничную вонь нюхать, вот от нее можно и вовсе дышать разучиться.

Надсмотрщик вышел, повозился с засовом и забухал сапогами по трапу. Трюм сразу ожил. Шутник не из тех, кто делает вид, что уходит, а потом подслушивает под дверью.

– Куда колоду дел, Плешивый? – заорал Локи, карманник, залетевший на каторгу по какой-то злой усмешке судьбы.

По всем законам полагалась ему разве что хорошая плеть, да, может, еще отсечение пальца. А вот нет – не приглянулся судье, или вспомнил тот подружку, которой на базаре карманы обчистили, – и все. Плыви к Печальным Островам, на-

дейся, что молодость поможет протянуть три отмеренных года. Впрочем, Локи не унывал – такие никогда не унывают. Свое прозвище в честь древнего северного бога проказ он получил не зря...

– А ты поищи, ты же у нас мастер, – хмуро отозвался Плешивый, мелкий чиновник, угодивший к нам за казнокрадство. Все ясно, сегодня не его масть...

В дальнем углу Волли-сладкоголосый затянул прерванную появлением надсмотрщика песню. Длинный язык довел его до каторги, но выводов он из того не сделал. Что говорить, третий раз сажают, а Волли честно вкалывает полгода – больше за крамолу не дают – и принимается за старое.

Сборщик сказал – новый налог,
Что ж, заплачу, я отвечал...

Голос у него был и впрямь хорош, и дерзости хватало, но вот больше ничего за душой певец не имел. Наверное, ему рукоплескали в селах и кварталах ремесленников... Впрочем, он иной славы и не искал. Я лениво слушал про то, какой именно продукт герой песенки собрал в большую корзину, за что этот продукт выдал, и как оплошал тупой сборщик налогов, вывалив содержимое корзины в общий воз с податями.

Пел бы лучше чужие песни, дурак... Про любовь, про лунную дорожку на воде, про потаенное Слово. Жил бы безбед-

но и людей бы радовал.

– Новую! – завопил Локи. Ему сегодня везло. Может, виной был фарт, а может, ловкие пальцы. Интересно, на что играют – на пайку, на дежурство, на интерес?

– Хватит, – глядя в покачивающийся деревянный потолок, сказал я. Потолок поскрипывал – кто-то ходил по палубе. – Наигрались. Спать пора.

– Ильмар, да ладно тебе... – неуверенно начал Локи.

– Хватит, я сказал!

Командовать двумя десятками балбесов мне особенно не улыбалось. Но пришлось этим заняться – иначе власть в трюме держал бы Славко-дубина, самый натуральный душегуб, пойманный прямо у свежего трупa. Сто кило мускулов и костей и чуть-чуть мозгов под крепким лбом. Я от души надеялся, что в рудниках его случайно придавит груженной вагонеткой. Сам бы поспособствовал, вот только нет у меня желания под землю лезть.

Значит – завтра придется изворачиваться. Ловчить, убежать, таиться. Доказать, что не зря слышу самым ловким вором во всей Державе. Из шахты не очень-то убежишь – вся надежда на короткий путь из порта в горы.

Надо выспаться...

Я встал и затушил фитиль в фонаре. Запахло горелым маслом. В темноте сразу стал слышен плеск волн за бортом, будто слух обострился. Поскрипывали койки, кое-кто торопливо бубнил положенные вечерние молитвы Искуп-

телю, Волли вполголоса допевал песню – не умел он останавливаться посередине, я даже и окликать его не стал.

– А вот у меня однажды была девка... – Славко затащил обычную вечернюю историю. На каторге о женщинах лучше не говорить – к концу второй недели народ распаляется, и начинаются непотребства. Но Славко я не перебивал – все его истории были такие тупые и тошнотворные, что действовали лучше лекарского брома, который положено было добавлять в наше пойло. Распалялся от них только сам Славко, причем так лихо, что на второй день я посоветовал Шутнику поменять народ на койках. Теперь рядом со Славко-дубиной лежал молчаливый здоровенный верзила из какой-то, еще древними богами забытой, русской деревеньки. Как попал в Державу, где научился разговору, за что на каторгу угодил – не знаю. Парень он был неплохой, а мускулами – еще покрепче Славко. Кажется, дома кузнецом был. Одна беда – очень уж инертный, погруженный в свои мысли. За себя-то постоит, а вот народ в порядке не удержит. Мальчишку, который поначалу оказался рядом с душегубом, я от греха подальше поместил на койку над своей – хоть и есть у старшего по этапу право жить с комфортом, но так оно спокойнее будет. И кажется, в тот миг и посмотрела на меня Сестра-Покровительница с заоблачных высот... верно я сделал, ох как верно.

– А на третий день, когда поставили ее свинарник чистить, я и подошел, вроде как невзначай... – захлебываясь, бубнил

Славко. – Юбки-то она задрала выше колен, чтоб не извозить, а я как подкрадусь...

– Как про женщин говоришь! – с тоской и глухой яростью воскликнул верзила-кузнец. Это у него было больное место, видно, в диком краю до сих пор верховодили бабы – и душегубу приходилось постоянно выкручиваться.

– Как? – с наивной звериной хитростью спросил Славко. – Хорошо говорю! Красивая была баба!

– Женщина!

– Ну женщина... Юбки, говорю, задрала...

– Нельзя так говорить!

– Почему ж нельзя? – искренне поразился Славко. – Ноги у нее красивые были. Морда...

– Лицо!

– Лицо, лицо... Лица – никакого, а ноги – да! Можно ведь говорить, что женщина красивая?

– Можно, – поразмыслив, сказал кузнец. – Это – хорошие слова.

– А что мор... лицо у нее красивое?

– Можно...

– А что ноги красивые?

– Тоже можно... – растерянно признал кузнец.

– Так я и говорю, ноги у нее – во! Я сзади-то подкрался, да и шлепнул... любя. Она как растянулась, для вида сердится, а сама мор... лицо протирает и улыбается!

Захихикал Плешивый, видно, для городского чиновника

первобытный идиотизм Славко был очень забавен. Чувства юмора он не терял, не без оснований надеясь пересидеть два отмеренных года на непыльной работке счетовода. Проблем с ним оказалось куда меньше, чем ожидал, и потому я Плешивого немножко оберегал от опасностей.

Кто-то из каторжников, в очередной раз обманутый в лучших ожиданиях, смачно плюнул. Спросил:

– Что у тебя, Славко, все истории про то, как баба в грязь падает... или еще куда похуже?

– Да нравится мне, когда ба... женщина к матушке-земле поближе, – чистосердечно признался душегуб. – Самое оно...

– Ладно, всем спать! – Я счел за благо вмешаться. Кузнец мог все же воспринять слова душегуба оскорблением для женского пола и придушить дурака прямо в койке. Дело-то, конечно, хорошее, но не на корабле же! Шутник так бедолагу отделает – кровью харкать будет...

– Не прав ты, Ильмар, ой не прав! – хитренько, как ему казалось, произнес Славко. – Ребятам байку послушать интересно, а ты командуешь.

Но поддержки он не нашел. Никого уже его байки не развлекали. Ха... под старшего копать пытается. Не с его умишком...

– Заткни пасть! – гаркнул я, и кузнец охотно добавил:

– А то я заткну! Неправильно ты говоришь, сердцем чувую! Душегуб мгновенно заткнулся, и наступила благодатная

тишина. Скрипели койки, порой прогибалась под чьими-то шагами палуба, стучали в борта волны. Суденышко маленькое, для быстрого тюремного клипера полного этапа не набрали. Потому и плыли так долго.

Я лежал, кутаясь в куртку, иногда машинально разминая пальцы – словно собирался немного поколдовать над замком. Тьма была кромешная – огонек паршивого фитиля давно дотлел, а иллюминаторов нам не положено. Спать бы и спать... вот только нельзя.

Или мне начала по ночам мерещиться всякая чушь, или...

Вот!

Нет, не показалось!

Я услышал, как надо мной едва-едва слышно звякнул металл. И пусть другие посчитают, что это гремит бронзовая цепь – уж я-то знаю, какие звуки издает замок, когда в нем пытаются ковыряться куском стали.

Весь расслабившись, я лежал и мысленно шептал благодарения Сестре-Покровительнице. Не оставила в беде глупого братца, не загнала под землю на семь нескончаемых лет! Сестра, как вернусь на Солнечный берег – приду в храм, упаду в ноги, ступни мраморные целовать буду, пять монет на алтарь положу – хоть и знаю, ни к чему ей деньги, все в карман священника попадет. Спасибо, Сестра, послала удачу мне, неумелому!

Ай да мальчишка!

Пронес, пронес на корабль с этапом железо!

И где только прятал – досмотрщик ведь был умелый, в такие места заглядывал, что и вспомнить противно. А все равно – пронес!

Целую неделю я трюм проверял, нет ли подарочка от прежнего этапа, нет ли случайного гвоздя в досках, за всеми приглядывал – только на пацана внимания не обращал. Не знал, в ком моя удача!

Да и кто бы знал?

Мальчишка как мальчишка, едва вошел в возраст, чтобы по эдикту «Об искоренении младенческого злодейства» на каторгу загреметь. То ли карманы кому-то важному обчистил, то ли в дом залез – молчаливый оказался паренек, сам ничего не рассказывал, а расспросы я первым делом пресек – не положено!

Может, проглотил железяку загодя? Нет, не мог, первые три дня я глаз не спускал с параша, все следил, не роется ли кто в своем дерьме.

Значит, и впрямь – Сестра удачу послала.

Кто-то вскрикнул сквозь сон, может, шахту представил, может, свои же делишки вспомнил, и звяканье надо мной стихло. Ничего, дружок, ничего. Теперь дождусь.

...И все-таки – как он пронес с собой железо?

Порода – вот что меня должно было насторожить. Чувствовалась в мальчишке порода: лицо тонкое, черты правильные, взгляд упрямый, твердый. Такие по базарам не промышляют. Чей-то незаконный сынок, наверное. Кто-то его

на каторгу отправил, а кто-то и помог. Дал на карман Шутнику, тот и забыл про уставы, пронес отмычку, вложил мальчишке в руку.

Только так, а не иначе.

Тишина давно уже устоялась, а пацан все таился. Наконец скрипнуло железо. И в тот же миг я соскочил с койки, беззвучно, цепь рукой зажимая, чтоб не гремела.

Но мальчишка услышал. Дернулся, но поздно – схватил я его за руку, лежащую на замке, прижал, прошептал вполголоса:

– Тихо, дурак!

Он замер.

А мои пальцы разжали ладонь, проверили – ничего.

Я осторожно выпустил цепь и уже двумя руками провел по узкой койке, все надеясь, что пальцы почувствуют холод металла.

Ничего!

Я ощупал замок, обыскал нары – и под мальчишкой пошарил рукой, и вокруг, потом его самого ощупал – спал он, как все, в одежде, и мог, чем черт не шутит, спрятать отмычку в карман или за пазуху.

Пусто.

– Что вы делаете! – тихо возмутился мальчишка. И вот это он сделал зря. Если бы за собой не чувствовал вины и заподозрил плохое, то стал бы сейчас кричать. Раз таится...

– Уберите лапы! Я кричать буду!

Поздно, поздно. Сообразил, что неправильно себя ведет, но поздно... Я стоял, держа мальчика за руки и лихорадочно соображая. Он пока не дергался, ждал.

И вот когда я почти уж уверился, что перетрусивший пацан сглотнул отмычку, и ничего теперь не поделает – не вспарывать же ему живот, как волку из сказки, и не сажать на парашу – утром к Островам подойдем, ничего он уже не высидит... – тут-то Сестра-Покровительница вновь на меня посмотрела. Головой покачала, глядя как я, недотепа, в руках ответ держу, а ничего не понимаю, вздохнула, да и послала просветление.

Я от волнения руки мальчишке сдавил. Потом перехватывать начал – правой рукой его левую взял, левой правую, и наоборот. Мальчишка молчал – видно, все понял.

– Не будешь ты кричать, дружок, – прошептал я. – Никак не будешь. Даже если пальцы тебе сломаю, промолчишь. Только ты не бойся, малыш, все теперь путем, мы теперь друзья лучшие...

Правая ладонь у пацана была холодной! Просто ледяной! Вот и весь ответ.

– А сделаем мы вот что, – шептал я, лихорадочно вспоминая, как мальчишку зовут. В первый день он назвался, но не до того было, порядок пришлось в трюме ставить, а потом все его только пацаном и окликали. – А сделаем мы, Марк, вот что – сядем рядышком и поговорим. Тихонько и по-дружески...

– Не о чем мне с вами говорить! – огрызнулся Марк, когда я сгреб его с полки и опустил на свою, нижнюю. Вокруг все тихо оставалось, а если кто и услышал, то подумал, верно, худое. Пускай думают, мне с ними за вагонеткой не идти. Теперь я уверен!

– Есть о чем, Марк, – прошептал я мальчишке на ухо. – Есть. Ты Слово знаешь!

Он чуть дернулся, но я держал крепко.

– Нет, ты не спеши, – продолжал уговаривать я пацана. – Подумай. Ты вторую ночь замок ковыряешь, ничего сделать не можешь. А завтра – порт. А потом – рудник. Там с тебя цепи и так снимут, не думай. Из рудника выход один, и замков там нет – там стражники караулят. Я знаю, я бывал. Так что упустишь шанс – не поможет и Слово!

Мальчишка притих.

– Ну а снял бы замок? – Я тихонько засмеялся. – Что дальше? Думаешь, я не могу свой открыть? Потрогай!

Я заставил его взяться за дужку замка, сам быстро нашарил в кармане припасенную на крайний случай щепку – прочную, хорошую, еле отодрал от койки, – и провернул механизм. Замок тихонько щелкнул, отпираясь.

– Понял?

– Почему тогда...

– Почему я здесь? А куда мне податься? Положим, с за-
совом тоже справлюсь, не велик труд. Дальше что? За борт прыгать?

– Шлюпка...

– Да, да, в шлюпке за сотни миль плыть. Умница. Хочешь – сейчас тебя выпущу? Беги... Только железяку свою мне отдай... кстати, что там у тебя?

Марк сделал вид, что вопроса не услышал. Или вправду задумался?

– Тогда что делать?

– Порта дожидаться. Поведут на канате, дело обычное. Ну и... в общем, можно уйти.

– Как?

Мальчишка от волнения заговорил громче, и я зажал ему рот.

– Тихо! Как – не твоя забота. Главное, что вот тогда-то как раз металл нужен, щепкой я только такую ерунду открыть смогу. А придется отпирать хороший, большой замок. Быстро отпирать придется!

– Ножом – сможете?

– У тебя нож? Да... наверное. Покажи!

Я сказал и прикусил язык, слишком уж резкой была просьба. И громкой.

Но Марк решился. Что-то прошептал – одними губами, я ничего не расслышал. И протянул мне руку.

Ладонь была холодной, словно мальчик несколько минут подержал ее на льду. С замиранием сердца я осознал, рядом со мной и впрямь – знающий Слово! А вот сталь – теплая, согретая рукой. Не зря говорят – Слово лишь живое моро-

зит.

– Осторожно, острый! – запоздало предупредил Марк.

Зализывая палец, я ощупал нож другой рукой. Короткий и узкий обоюдоострый кинжал. Рукоять из кости, резная. Видимо, хорошая сталь – раз пацан не сломал острие и не зазубрил кромку лезвия, неумело ковыряясь в замке.

– Годится, – сказал я. – Дай-ка...

Конечно, он не дал. Конечно, я на это и не рассчитывал. Еще секунду я держал лезвие, потом оно исчезло. Растворилось под пальцами, и я схватил воздух.

– Тебе все равно придется мне довериться, – предупредил я.

– Тогда объясните.

Выхода не было.

– Слушай, повторять не буду. Нас поведут на канате...

Минут через десять я ему все втолковал, не забыв несколько раз напомнить, что нож все-таки придется мне дать. Мальчишка молчал, но у меня сложилось ощущение, что он согласен.

– Значит – поладили? – спросил я для верности.

– Да.

Правильно. Куда же ему деваться? Не дурак, понимает, что в лабиринтах старых шахт, куда напиханы тысячи каторжников, ничего хорошего ему не светит.

– Утром держись рядом. Выведут, будут на канате строить – станешь за мной. Как придет время, я тебе дам знать.

– Нельзя мне на Острова... – прошептал мальчик.

– Верно, нельзя.

– Вы не понимаете. Мне с корабля сходить нельзя.

– Почему?

– Я... случайно на этап попал.

Вот оно! Старая песня. Все мы тут невинные, верные сыны Искупителя, несчастные братья Сестры. А вокруг нас – злодеи, душегубцы...

– Меня должны были казнить.

Такого я никак не ожидал. Говорил пацан с убежденностью, и сомневаться не приходилось. Только вешают-то не зря, судьи, может, и сволочи, но они лучше душегуба на каторгу упекут, в рудниках ковыряться, чем без толку веревку потратят.

Если крайностей не брать, то казнят лишь таких злодеев, которых все равно попутчики-каторжники на части разорвут. Ну, если кто убьет женщину, что ребенка носит, – это понятно, это сама Сестра завещала, когда ее на костер вели. Сонного или беспомощного убить – тоже грех смертный. Если жертвам обычным счет за двенадцать перевалит – и тут дело ясное, Искупитель же сказал: «Даже дюжину кто положит, все равно передо мной чист, если чистосердечно раскается», а про вторую дюжину промолчал. Можно, конечно, и перед Домом провиниться – только какую крайность измыслить мальчишке, чтобы Дом рассердить?

На всякий случай я от Марка отодвинулся. Если у парень-

ка с головой не в порядке, то придется стеречься. Ему миг нужен, чтобы Словом в Холод потянуться и нож достать. А что я против стали – в темноте, когда своего носа не видишь?

– Не бойтесь, – сказал мальчишка, и я от такой наглости дернулся. Но смолчал – что поделать, и впрямь ведь боюсь. Хоть чуть-чуть бы света, хоть щелочку в палубе, лампадку на другом конце трюма – ко всему привычен, по саксонским подземельям ползал, в курганах киргизских копался, китайские дворцы ночами обчищал – когда одна смальта фосфорная с потолка светила... Но нет ничего – и сиди, жди, не вонзится ли в бок кинжал.

– И за какие же такие дела тебя вешать должны?

– Мое дело.

– Это верно. Только чего теперь боишься? Приговор получил, в корабль сел, до Островов почти доплыли. Чуешь, как волны бьют? Это уже прибрежная качка, лоцман неопытный, боится ночью в бухту входить.

– Если они поймут... там...

– И что? Клипер вдогонку за тобой снарядят? Велика птица! Пошлют с оказией приказ повесить на месте или обратно отправить.

– Может, и клипер, может, и планёр.

Ну-ну. Со всяким бывает. Помню одного типчика, тот девицу соблазнил, так в камере трясся – «повесят меня, повесят»... А получил плетей, да и поплелся домой.

– Ложись-ка спать, – велел я, будто Марк сам на разговор

напросился и с койки слез. – Завтра силы понадобятся. Учти: хитрость хитростью, а если бегать не умеешь – конец.

Подсадил я мальчишку обратно на койку, цепь громко забренчала, и уж теперь точно не один каторжник проснулся. Заворочались, закашляли, закряхтели, кто-то сонно выругался. А я прилег, между делом щепкой своей верной замок закрыл и задумался.

Великое дело – Слово знать. Не раз я таких видал, только обычно поверх голов. На войне, когда по молодости в армию затесался. Или из темного угла в чужом доме, молясь Сестре, чтобы прошел мимо хозяин, не вынуждал грехи множить.

А вот так, рядом, за руку держа, когда Слово шепчут и в Холод лезут, – никогда. Был, правда, Гомес Тихой, лихим делом промышлявший, но не зверствовавший. И пили вместе, и гулянки устраивали. А потом нашли его в переулке, так изрезанного и исколотого, что всякому стало ясно – Слово пытали. На лице у Гомеса улыбка застыла, страшная, злая. Видно, все вытерпел, а Слово не открыл...

Но мальчишке-то, мальчишке откуда знать? Отец подарил? Тогда точно – из аристократов. Ах, Шутник, ко мне приглядывался, на Плешивого посматривал, а кто Слово скрывает – не понял. Значит, такой твой фарт...

Накормили нас торопливо и откровенной дрянью. Осмелели морячки, бунта больше не боятся. Шутник сам принес котел с клейкой кашей, даже не сдобренной рыбой, и миски.

Стоял у дверей, поглядывал, как каторжники, морщась, набивают животы, плеточку баюкал. Корабль слегка покачивало на волнах, но лениво – даже те, кто маялся морской болезнью, повеселели. Отшумел уже, спуская якорь, кабестан, и совсем рядом, за бортом, слышались приглушенные голоса. И то верно, не только нас, скот рабочий, привезли, еще и провиант столичный для офицеров, оружие, одежду, инструменты. Городок-то не такой уж и малый, близ гарнизона многие кормятся.

– Ну, пора! – Шутник изобразил самую разлюбезную улыбку. – Рад я за вас, ворье несчастное. Честным трудом вину искупите – обязательно назад отвезу.

– Не задерживайся только, – буркнул Локи. Еще вчера мог бы и плеткой за дерзость получить, а сегодня с рук сошло.

Шутник двинулся по трюму, останавливаясь у занятых коек и отпирая цепь. Человек он был все же смелости отменной – не побоялся в одиночку снять оковы с двух десятков бандитов. Хотя, конечно, и то понимал, что мы все знаем – и палуба, и причал сейчас стражниками кишат.

Возле меня Шутник остановился, спросил:

– Снять замок, или сам сумеешь?

– Сними уж, – попросил я.

Шутник покачал головой:

– Чтоб такой, как ты, и не сумел щепкой замок снять...

В груди у меня ёкнуло, но надзиратель открыл замок и прошел дальше. Нет, ничего он не подозревает. Разочаро-

вался, наверное, что Ильмар Скользящий на поверку оказался так прост.

Ничего, потерпи, друг. Вскоре будет тебе спектакль...

Марк спрыгнул с верхней полки, потирая натертое запястье. Как всегда бывает с мальчишками, его сковали слишком туго, чтобы не вывернул гибкую кисть из кольца. Но кровоточащий след Марка не волновал. Он уставился на меня с таким заговорщицким видом, что я мгновенно отвернулся. У Шутника все же чутье есть, не стоит Сестру гневить, собственной глупостью на неприятности напрашиваться.

– По одному, по одному вверх! – крикнул Шутник. – Двинулись!

Я шел пятым или шестым, за мной Марк. После десятидневного заточения в тесном, душном и вонючем ящике сама возможность выйти из трюма казалась чудом, неслыханным подарком. Все радовало – и коридорчик, и крутой трап, и – вот оно, счастье! – квадрат безоблачного неба в люке.

– Проходи, не задерживай! – рявкнули на меня с палубы. Щурясь от ослепительного солнечного света, я поднялся, получил беззлобный, но крепкий толчок в спину и присоединился к группе каторжников.

Кораблик, на котором нас привезли к Печальным Островам, был небольшой, но крепкий и чистенький. Палуба – отдраена, паруса – аккуратно спущены и уложены, всё на своих местах, всё имеет строгое морское назначение и непонятное

название. Если б не был воров, стал бы моряком...

Десяток стражников, охраняющих нас, казался куда расхлябаннее корабельных матросов. Даром что вооружены прекрасно – и самострелами, и бронзовыми палашами, а у одного даже пулевик в руках. Зато форма грязновата, морды кислые и опухшие. Правды железом не скроешь.

Перед стражниками лежала бухта толстого каната. Все как заведено.

Это хорошо. На это и надеялся.

Отведя взгляд от охраны, я залюбовался островами. Глаза слезились, но ничего, после тесноты трюма с удивлением вспомнилось, что есть на свете расстояния и перспектива.

Печальных Островов – три, но мы сейчас стояли у берега большего, самого обжитого и самого красивого. Скалистые берега, поросшие сочной зеленью, бурые холмы вдали, форт на огромном крутом утесе, господствующем над бухтой, городок, прижимающийся к порту – бестолковый, шумный и яркий. Вдали, в горах, поднимались дымы печей... вполсилы, раньше куда сильнее дымило. Красиво было, и красиво той умирающей, последней красотой, что я больше всего люблю...

Посреди города, как положено, вздымались шпиль церкви Искупителя и купол храма Сестры-Покровительницы. Я ревниво отметил, что шпиль куда выше, и вызолотка на дереве недавно обновлена. Эх, Сестра, жив буду – принесу подношение, нехорошо, что забывают тебя нынче... Корабль сто-

ял у самого причала, по перекинутым мосткам сновали туда-сюда грузчики, со снисходительной ухмылкой поглядывая на нас. Ладно, еще посмотрим, кто посмеется последним...

Выбрался Марк, поплелся, едва находя дорогу. Стражники похохатывали, глядя на наши неуклюжие движения, и явно не ждали дурного. Кое-кто из каторжников даже падал, это вызывало особенно бурное веселье.

А я наслаждался светом. Глаза уже привыкли, в моей работе без этого нельзя. Грудь никак надышаться не могла сладким, чистым воздухом. Даже ругань стражников улучшала настроение – как-никак новые люди, не эти опротивевшие за неделю морды.

– К канату, – приказал наконец один из стражников. – Давай, кто смелый...

И Марк вдруг шагнул вперед.

Молокосос!

Мальчишка!

Я чуть не завопил: «Стой!», но нельзя было привлекать к себе внимание. Никак нельзя.

– Молодец, – похвалил Марка стражник, пожилой и добродушный на вид. – Приказов слушайся, Искупителя чти – домой вернешься...

Он ловко набросил на шею мальчишке веревочную петлю, короткой веревкой соединенную со второй петлей, совсем узкой. Выдернул из бухты конец смоленого каната, про-

дернул в маленькую петлю, заботливо осведомился:

– Не давит?

Марк покачал головой и, конечно, затянул хитроумно увязанную петлю. Стражники заржали.

Пожилой стражник ослабил узел, наставительно сказал:

– Головой не дергай, удушишься... Следующий!

Придуманный план летел ко всем чертям. И все же, оттолкнув уже шагнувшего вперед Локи, я пошел к канату. Молча дождался, пока мне на шею наденут поводок, потом нагнулся и стал бухту разматывать.

– Эй, ты чего? – удивился стражник.

– Удушится мальчишка, если между двумя взрослыми будет стоять, – объяснил я. – Ему первому придется идти.

– И впрямь... – Стражник зашарил взглядом по каторжникам. Видно, соображал, кого бы поставить сразу за Марком, чтобы ростом поменьше был.

Но каторжники как на подбор были рослыми. Я и впрямь казался самым низким... особенно сейчас, когда старательно сутулился.

– Ладно, вставай за ним, – озабоченно сказал стражник. – И аккуратнее иди, задохнется пацан – получишь плетей!

Теперь ни о какой добровольности не было и речи, маленький рост Марка лишил стражников ожидаемого развлечения. Каторжников сортировали по росту, поругивая судей, определивших мальчишку во взрослый этап. Наверное, Марк был прав, говоря, что попал на рудники случайно –

обычно сюда ссылали крепких и рослых мужчин. Для детей есть наказания по силам – золотой песок на севере мыть или в отвалах старых железных рудников остатки руды выискивать...

Я встал за Марком и, пользуясь общим шумом, прошипел.

– Ты что творишь?

– Сами же сказали – между двумя взрослыми удушусь, – шепотом ответил мальчишка.

Врал он. Это только после моих слов оправдание придумал. А дело-то в другом было – не хотел нож из рук выпускать...

– Тебе замок не открыть!

– Сами откроете.

Я ждал, кипя от злости. Наконец всех нас нанизали на канат, а концы его зажали в деревянных брусках на тяжелые замки. Так... ключ большой, бородака двойная, три прорези, поворачивается влево...

На двадцать секунд работы, если ножом. Много. Надо быстрее. Пусть стражники здесь службы не чтут – все равно за двадцать-то секунд любой заметит неладное.

– Вперед, хватит бездельничать! – Когда все мы оказались на запоре, тон стражников неуловимо изменился. Вроде та же насмешливость, но теперь она стала злее, раздраженнее. – Пошли!

И мы двинулись к трапу.

Глава вторая, в которой все бегут, но немногие знают куда и зачем

Ох нелегкое дело – ходить на канате! Жесткий он, смоленый, лежит на плече как шест, не гнется. Чуть замешкаешься, чуть ускоришь шаг или, того хуже – в сторону подашься – петля дергается, грозит затянуть шею. Если кто упадет – может и убиться.

Неуклюжей человеческой гроздью мы развернулись поперек палубы, Марк первым ступил на сходни. Шел он почти что на цыпочках, чтобы хоть как-то ослабить натянувшуюся петлю. Сестра-Покровительница, Искупитель – не дайте ему упасть! И сам пропадет, и мне конец...

Не зря нас на канате водят, ох не зря! Могли бы в колодки забить, куда надежнее, так нет! Только веревка – напоминание о позорной казни. Чтобы почувствовали себя униженными, будто уже готовыми в петле болтаться. Чтобы поняли – каторга не сахар. Если мне память не изменяет, нас еще мимо площади Кнута проведут, покажут, как упрямцев наказывают.

Давненько я не был на Печальных Островах, лет пятнадцать прошло. Попал сюда чуть старше Марка, хорошо хоть по мелочи и на неполный год.

– Шевелись! – покрякивал стражник, что рядом со мной шел. На лицо добродушный, пузатый, ему бы по базарам ходить, с торговкок оброк взимать. Ан нет, приставили к каторжникам, вот и пыжится, силу почувствовал. Я голову опустил, шел старательно, в землю глядя. Стражник поглядывал на меня, потом дальше вдоль ряда двинулся.

– Зачем стал впереди? – шепнул я Марку. Мальчишка, не оборачиваясь, хоть на это ума хватило, ответил:

– Я сам. Разрежу канат, и убежим.

– Побрякушки себе отрежь! Ты смоленые тросы резал когда?

Марк покачал головой.

– Его мечом с размаху не перерубишь! Лезвие завязнет!

Мальчишка сбился с шага. Провел ладонью по канату, обернулся. В глазах теперь была растерянность, понял, значит. Потом коснулся накинутаой на шею петли. Стянуть-то ее нелегко, никто и не пытается, удушишься, а вот ножом порезать – запросто.

– Только не вздумай поводок сечь, – напомнил я то, что объяснял ему вечером. – Один далеко не уйдешь, надо чтобы все... сразу...

Конечно, иному дай нож поострее да времени минут пять – сможет канат рассечь. Если сила немереная, если Искупитель улыбнется, если стражники глаза отведут.

Только не бывает такого, чтобы все сразу случилось – и нож острый, и умение великое, и сила дурная, и стражники

подкупленные.

– Я открою... замок открою...

Мимо нас прошел другой стражник. Глянул подозрительно, но спросил спокойно:

– Что разболтались, тля рудничная?

– Страшно пацану, успокаиваю, – сказал я.

На миг в глазах стражника появилось сочувствие. Не мне, конечно, а мальчику.

– А нечего разбойничать... – самого себя одергивая, изрек он. – Закон – он для всех писан. Хватит болтать!

Но следить не стал, пошел вперед, где по улице толпа скопилась. Арбалетом помахал – расходитесь, мол... Толпа, конечно, только на метр и сдвинулась. Не боялась его толпа, стражнику тут еще жить, вечерами по улицам ходить. Своего развлечения островитяне не упустят.

– Душегубцы! – тоненько взвизгнула в толпе девчонка. Знаю я таких, истеричек с горящими глазами, сама небось каждый год в чреве плод травит, потому и других обвинить всегда готова. – Убийцы! Насильники! Чтоб ваши руки-ноги отсохли! Чтоб у вас...

Это ничего. Эта толпа мирная была. Даже девица – покричала, покричала, да и пошла по своим делам, корзинкой плетеной покачивая. Видно, на базар собралась. Шла бы с базара – не пожалела бы мятой помидорины или яйца давленого...

– Замок тебе не открыть, – сказал я. – Слышь, Марк? Тут

умение нужно.

Молчал он. Сам все понимает, сопляк.

– Чуть вперед подайся, – велел я, – чтобы брус тебе на плечи лег.

– Поймут...

– Что плетешься как вошь! – завопил я в полный голос. И пнул мальчишку по заду. Марк дернулся, рванулся вдоль каната, прижался к деревяшке, что его канат щемила.

Стражники захохотали. Ясное дело, у каторжников нервы не выдерживают. Все развлечение.

Я продвинулся вслед за мальчишкой, впился взглядом в замок. Эх, не везет, германская работа, с таким всегда трудно справиться...

– Не усердствуй! – бросил мне возвращающийся стражник. – Задохнется пацан...

Отмычку бы мне, тонкую отмычку, да с двойным изгибом, тогда бы справился...

А мы уже к площади Кнута приближались. Самое место бежать. Дальше по холмам потянемся, там места голые да безлюдные, не укрыться...

Эх, германская работа, хорошая сталь, тугая пружина, ключ в три прорези...

Никогда мне такой замок ножом не открыть!

И когда я понял это, так сразу и начал действовать. Нельзя панике поддаваться.

– Нож! – прошипел я в спину Марку.

Хоть сейчас не ослушался.

Повел рукой – будто потянулся куда-то, далеко-далеко... Даже на меня холодом дохнуло, когда в руке у пацана кинжал сверкнул.

Хороший клинок.

За такой клинок домик в пригороде отдают без торга.

Протянул я руку Марку через плечо, нож взял – у парня пальцы задрожали, но отдал, смирился. И даже, хоть я и не просил, придержал брус, приподнял, чтобы мне орудовать было легче.

Одно хорошо – стражники сейчас на нас не смотрели, в хвосте колонны порядок наводили. И впереди толпы не было. Только маленькая девочка-замарашка на углу стояла, сосала грязный палец да на нас смотрела. Будь постарше – сразу бы крик подняла. А так только глазенки вспыхнули, уставилась на нож, руки опустила, рот закрыть забыла...

Смотри, смотри, маленькая, только не кричи, прошу тебя! Сестра-Покровительница не велит беглецов выдавать! Не кричи, прошу, пошлет тебе Сестра куклу фарфоровую, платье новое, как вырастешь – мужа богатого и дом – полную чашу. Только не кричи!

Так я про себя девочку заклинал, а сам в замке орудовал и вроде нащупал что-то, только вот сталь скрипела, и нож блестел на солнце, значит, времени у меня – до пяти сосчитать, не больше...

За спиной уже поняли. Славко-дубина рык издал – при-

готовился. Вот такие всегда из чужого умения пользу получают! Кузнец крякнул, с шага сбился, видно, решил что-то сказать, да никак с языком управиться не мог...

– Эй, чего творите? – крикнул кто-то из конвоя. Еще не увидел, но почувствовал – все, пропадаю, что же ты, Сестра, за что так надсмеялась...

И стоило мне Сестре взмолиться, как замок проклятый щелкнул, дужка раскрылась, из прорезей вылетела, деревяшка разошлась и под ноги упала. Марк запнулся, я подпихнул его – он мигом с каната слетел, – и сам следом рванулся. А дальше уже напирали – и Славко, и кузнец, и все остальные. Кто и впрямь бежать решил, кого напором понесло.

На это я и рассчитывал.

Как рыбешки с порвавшегося кукана, рассыпались как торжники по улице. Те, кто подурнее, вперед кинулись бежать. Ага, на площадь, прямо толпе в лапы. За поимку беглого – три монеты плата. А если голову, руку или ногу беглого принесешь – две. Ох, не дура же толпа, умеет складывать. Умеет и отнимать. Толпа, она чудовище, но никак не дура.

Те, кто позлее да поотчаяннее, на стражников бросились. Того, что с пулевиком, сразу с ног сбили. Может, и остальных задавят толпой. Все бывает. Может, и корабль потом в порту отобьют.

Только поднимут с гарнизона пару планёров, да и сожгут их вместе с кораблем...

А я, как последний идиот, с мальчишкой боролся. Марк у

меня нож выдирал, уже пальцы изрезал, но не отпуская.

Нет, парень, мне с тобой умирать не с руки!

Я выпустил нож – пусть натешится, может, зарезаться успеет, – и бросился в узкую боковую улочку, на ходу петлю с шеи сдирая. Рядом бежали кузнец и Славко – это ж надо, кто умнее всех оказался!

И тут Славко, по своей злобе и общей тупости, ошибку совершил. Прямо на пути оказалась та девчонка, по малолетству не додумавшаяся убежать.

– С дороги! – завопил Славко и отшвырнул девочку. Ну зачем, спрашивается? Времени больше потратил, чем если бы обежал ее!

– Женщин обижаешь! – взвыл кузнец. В голосе не только ярость была, еще и восторг. Наконец-то он убедился, что Славко – мерзавец.

Через миг здоровяк уже прижал душегубца к стене какой-то лавки и молотил головой о стену, выкликая:

– Нельзя женщин трогать! Грех! Нельзя женщин трогать! Винись перед малышкой! Нельзя...

Я пробежал мимо вопящего Славко, гневающегося кузнеца и ревушей девочки. Ничего с ней и не случилось страшного...

Ах, Сестра, спасибо, Сестра! Не оставь и кузнеца в заботах своих, хороший он человек, просто темный. Сейчас народ набегит, стражники из порта подтянутся – может, и не убьют его? Бежать вроде не пытаются, стоит, душегубца ко-

лотит. Может, и уцелеет. В рудниках нужны работники.

Ах, Сестра, дай мне уйти...

– Ильмар!

Я обернулся на бегу. Надо же, Марк тоже сообразил, куда бежать. И бежал хорошо, догнал. Ножа у него в руках уже не было, конечно, и от петли он тоже избавился.

– Щенок сопливый! – выдохнул я. – Чуть все не попортил...

– Не бросайте меня!

Хотел было я огрызнуться, но передумал. Нельзя, после того как судьба смилостивилась, в помощи другим отказывать. Вмиг все переменится.

Я просто продолжил бежать, с легкой надеждой, что пацан сам отстанет. Но мальчик явно был не из слабаков.

Дважды навстречу попадались люди. Однако первый, крепкий, но умный мужик, не рискнул нас останавливать, а не в меру воинственного старика с клюкой я скрепя сердце уложил на мостовую одним ударом.

Не дело тебе, дедуля, чужой крови жаждать. Не по возрасту.

– Ильмар...

Мальчишка начал отставать. Ноги у него, может, и быстрые, молодые, зато я всю жизнь в бегах провел.

– Ильмар...

Направление я правильно выбрал. Дома вокруг тянулись все плоше и плоше, а потом и вовсе пошли развалины, дав-

ним пожаром оставленные. Под ногами уже не мостовая, а просто земля утрамбованная, трава кое-где лезет. Полгорода такие вот, заброшенные. Даже на Печальных Островах шахты пустеют, вот народец и разъезжается.

И когда я совсем уж было поверил, что ушли мы, Марк сзади вскрикнул.

Остановившись, я посмотрел на него. Марк пытался встать, хватаясь за левую ногу. Сломал, что ли?

Никого вокруг не было, и, проклиная себя за глупость, я все же вернулся к мальчишке.

Марк жадно ловил ртом воздух.

– Больно?

– Да...

Штанина вся в крови была – неужели кость наружу вышла? Тогда все, тогда конец ему. Потом я сообразил, что у мальчишки ладони изрезаны, вот сам себя и замарал. Засучив брючину, прощупал кости. Да, вроде целы. Мышцу потянул сильно.

Только какая разница – сломал, потянул, – если погоня следом, и медлить нельзя?

– Попробуй встать.

Он встал. И даже шаг сделал, перед тем как рухнуть.

Мы оба молчали.

– Судьба твоя такая, Марк, – сказал я. – Понимаешь?

Он кивнул. На глазах уже слезы блеснули – не от боли, от страха.

– Может, и обойдется, – утешил я. – Вон, в развалины отползи и укройся. К вечеру нога отойдет, дальше сам думай...

Марк молчал.

Я плюнул с досады.

– Ну не могу же я тебя тащить! Сам посуди! Тут уж так... каждый за себя, один Искупитель за всех... Не поминай злым словом.

Мальчик начал медленно отползать к развалинам.

– Если духу хватит, так соври стражникам, что я туда убежал. – Я махнул рукой к морю. – Тебе все равно, а мне поможет.

– Я... – Он замолчал.

Ну и правильно. Чего уж тут. Я б его не гнал, даже помог бы. Сам виноват, надо под ноги смотреть.

Развернувшись, я пошел по улице, восстанавливая дыхание перед новым рывком.

– Ильмар!

Все-таки я обернулся.

Марк взмахнул рукой, и в воздухе сверкнула сталь. На мгновение я уверился, что нож летит мне прямо в лоб, и сейчас я улягусь рядом с пацаном.

Нож упал к ногам.

– Мне... ни к чему теперь...

Приловчившись, Марк на четвереньках потащился к выбитым, осевшим на прогнивших деревянных петлях дверям. Вот дурашка. След за ним тянется, только слепой не заметит.

Я нагнулся и подобрал кинжал.

По выпачканной кровью костяной рукояти шла узорная вязь. И лезвие было протравлено тем же узором, в котором какой-то герб угадывался. Старая работа, настоящий металл, подлинная сталь. А главное – не отнимал я его, мальчик сам отдал. Значит, приживется нож.

Как там Сестра сказала Искупителю, когда кинжал ему в тюрьму принесла? «От меня откажись – не обидишь, а нож возьми»...

– Сволочь ты, Марк, душегуб, убивец, – беспомощно выругался я. – Оба ведь сдохнем!

Вот так всегда оно бывает, когда удача сама в руки идет. Удача – птица насмешливая, капризная, не удержишь при себе. Я давно знаю, если повезло в чем – следом жди беды.

По любому разумению сейчас следовало мне бежать из города, то ли в холмах затаиться, то ли в береговых утесах, но не прятаться в пустом доме. Пустят хоть одну собаку вслед – пропаду. Стражник повнимательнее пройдет – тоже не спасись. Много ли навоюю, пусть даже с кинжалом дареным? Да и дюжина моя давно располовинена... что Искупителю скажу, когда в петле отболтаюсь?

Но забивать голову переживаниями было некогда. Первую залу я пробежал с Марком на руках, не останавливаясь – очень уж грязно тут было. Люди тут ночевали, и крысы, и собаки бродячие. И каждый что-то жрал, и каждый гадил.

Во второй зале оказалось почище. Наверное, потому, что потолок тут давно провалился, пол весь в деревянных обломках и осколках черепицы. Кому охота под открытым небом ночевать?

Опустил я Марка на балку, что с виду покрепче казалась, хотел еще разок высказать все... да некогда, некогда. Только махнул рукой и побежал обратно.

Перед выходом, плюнув от омерзения, набрал две пригоршни сухого крысиного помета, вышел на улицу. Разбросал вокруг, растер подошвами. Лучше бы в руках растолочь, как старый Ганс учил, да совсем уж было неважко. Чистоплюй я, что поделаешь.

Собаки, они крыс не любят. Да и побаиваются – кроме мелких шавок, что специально охоте обучены. Едкая вонь запах наш перешибет... опять же, если Гансу верить.

С чахлой акации, что росла у стены, я обломил ветку, стараясь, чтобы не видно было слома. Затер ранку на стволе грязью и стал заметать следы.

Сколько еще времени у меня? Минута, десять, или полчаса Сестра отпустит?

Ох не знаю.

Пыль вилась, лениво оседая. Я побежал по улице, нарочито тяжело ступая. Потом, метрах в ста, где журчал у дороги мелкий арычок, остановился и пошел назад по своим следам.

Пусть решат, что по воде ушел. Пусть поверят, пусть поищут. Арык, если повезет, до холмов дотянется, а то, гля-

дишь, впадет в какую ни на есть речку и доползет с нею до моря.

Добежав обратно, я одним прыжком влетел в распахнутую дверь. Притворил ее, потом еще в зале прибрал немного. Точнее, восстановил прежний вид. Вроде нет следов. Вроде все сделано.

Ветку я забросил в дальний темный угол, где целая гора хвороста высилась – листья у ветки теперь пыльные, от засохших и не отличить. Вот тут кто-то и ночевал. Неужто не противно было?

– Марк, живой там? – спросил я вполголоса.

– Да. – Голосок у мальчишки был напряженный, но больше от страха, не от боли. – А вы... вы не ушли?

Как будто он своим поступком оставил мне шанс уйти! Это ведь плевром в лицо Покровительницы стало бы!

– Не ушел, – сказал я, притворяя за собой вторую дверь. Марк баюкал ногу, смотрел на меня испуганно и тревожно. – Лучше помоги.

– Да... а в чем?

– Думать помоги! – рявкнул я. – Что дальше делать? Следы я замел, только все равно сюда заглянут. Пока меня не поймают – не остынут стражники.

Марк морщил лоб, честно пытаюсь помочь. Эх, не от тебя, бастарда, помощи ждать...

– Ильмар... вы вор?

Надо же. Не только я о нем обидное подумал.

– Да.

– Это дом... богатый? Был богатый?

Как будто сам не видит! Залы громадные, двухсветные, стены до сих пор стоят, на потолке рухнувшем вроде как остатки фресок проглядывают. Хороший был дом, и хозяин не бедствовал.

– Да. Купеческий дом или офицерский. Купеческий, пожалуй, офицер бы такое богатство не бросил. Да и планировка купеческая.

– Если бы вы здесь воровали... где искали бы тайники?

Я секунду молчал. Надо же. То ли и впрямь мне весь ум отшибло...

– Жди, – велел я и бросился из залы.

Сразу у входа, ясное дело, торговый зал был. А эта, где потолок проломлен, гостиная. Купец не то второй, не то первой гильдии, крепкий, таким положено приемы устраивать.

Я словно увидел этот дом прежним, каким он был лет двадцать назад. И стены в гобеленах, и потолки в росписи, и двери с железными замками...

Вот в этих комнатенках прислуга жила. Немного, два-три человека, по хозяйству работать, охранять... торговлю купец чужим не доверит.

Эти комнаты получше, тут обитали дальние родственники, приживалы. Те же работники, только дармовые, за стол и кров.

На второй этаж вела лестница. Перила ослабли, кое-где

вывалились, а вот ступени устояли. Хорошие, дубовые ступени. Я взбежал наверх, на всякий случай вытащив из-за пояса кинжал.

Разгром здесь был еще похлеще. Тут не бродяги с крысами постарались, а сами хозяева. Когда уезжали, все самое ценное со стен срывали – и доски резные, и барельефы мраморные. Мебель всю увезли, хорошая была мебель, видать. Даже паркет с пола выбрали.

Это даже хорошо. Значит, бродягам тут делать было нечего.

Какой бы крепкий купец ни был, а в одном Марк прав: тайники должны быть. И большие тайники. Не все же золотом да железом платят. мех, ткани, пряности в мешочках – их на складе не оставишь. Должен быть у купца надежный тайник. Пустой, конечно, но я сейчас не вор, я сейчас беглец.

А там, где от воров ценности прячут, там и беглецу самое место укрыться.

Вот только как тайник обнаружить?

Я уже и спальню нашел хозяйскую – огромную кровать из нее вынести не смогли, а потому просто разбили в щепу. Ни нашим, ни вашим. Кровать была огромная, видно, купец был из восточных стран, или из России, и имел двух-трех жен, как у них принято.

И кабинет я нашел – совсем уж пустой, отсюда все утащили. Выглянул в пробоину окна – никого пока не было, лишь налетевший ветерок гонял по улице пыль. Это хорошо.

Где же ты богатства хранил, гость заморский? Где меха мягкими грудями лежали, где штабеля шелков и сукна, где пахучий перец и мускатный орех?..

Я вздрогнул от безумной надежды.

Нет, не получится, конечно. Десять лет прошло. Или двадцать.

Или получится?

Закрыв глаза, я принюхался. Пылью пахло. Крысиным дерьмом... может, с пола, а может, с моих рук.

А еще – чуть-чуть – свирепым южным солнцем, пряными травами, далеким чужим миром...

Я задрожал. Открыл глаза и снова обшарил весь кабинет безумным взглядом. Погоня рядом, это я чувствую, только и спасение рядом. Здесь тайник. Здесь! Заметавшись вдоль стен, шаря ладонями по гладким доскам, я пытался нащупать щель.

Нет ничего. Или так ладно все пригнуто, или ошибся я, принял желаемое за действительное. Никаких потайных дверей в стенах. Не в полу же люк – на втором-то этаже!

И все-таки я посмотрел на пол. Крепкие широкие доски. До сих пор лежат без скрипа. Лишь в одном месте пол чуть неровный...

Бросившись на колени, я смел пыль, сдул ее – и увидел контуры люка. В полу. На втором этаже!

Невозможно.

Только сейчас мне как раз невозможное нужно.

Вогнав кинжал между досками, я сильно поддел. Сталь изогнулась дугой, грозя лопнуть. У меня сердце заныло от такого издевательства над оружием. Но что еще делать?

Люк пошел вверх. Когда-то у него были хитрые запоры, и крепился он на металлических петлях. Но железо проржавело, и запоры не устояли. Вцепившись в доски ногтями, я поднял и откинул люк. Посмотрел вниз, готовый увидеть комнату прислуги. Может, любвеобильный хозяин не только жен ублажал?

Под кабинетом оказалась маленькая темная комната. Волна густого пряного запаха шибанула мне в нос. Перегнувшись, я попытался определиться.

Все ясно. В эту комнату не было хода с первого этажа. Она была затеряна между клетушками слуг, между коридорами и залами. Только сверху, из хозяйского кабинета, и можно было сюда спуститься – по узенькой приставной лестнице. Я попробовал ногой перекладыны – они держали.

Хороший купец. Основательный. Зря только петли не из черной бронзы поставил – ее бы ржа не взяла...

Не закрыв люк, я бросился вниз, за Марком. Оставалось у нас минут пять, не больше. Хороший вор тем от плохого и отличается, что опасность загодя чувствует.

Мальчишку я посадил на закорки, так было надежнее. Спустился вниз, усадил на пол. В тайнике было сухо и чисто, сюда даже крысы не проникли. Надо же. Может, им запах

пряностей не нравится?

Вскарабкавшись наверх, я осторожно закрыл люк. Тьма воцарилась полная. Даже мне ничего не разглядеть.

Покачиваясь на лестнице, я подумал, что теперь можно и бежать. Пацана припрятал, долг уплачен. Впрочем, куда теперь бежать? Время упущено. Весь этап уже перебит, переловлен. И кто замок открыл – известно. Сейчас вся стража на Островах моей крови жаждет.

– Ильмар...

– Да что тебе? – раздраженно отозвался я.

– Вы здесь?

– Ты, может, темноты боишься?

Ответом было молчание. Я покачал головой. Да уж, послал Искупитель товарища. Мало того, что ребенок, что ногу на ровном месте подвернул, так еще и в темноте скулит!

– Здесь я, – буркнул я, спускаясь. Похлопал Марка по плечу, чтобы успокоился, сел рядом. Пусть в полной темноте и я слепец, но уж на звук ориентироваться умею.

– Боюсь, – запоздало ответил Марк.

– А на корабле вроде не хныкал.

– Там людей много было...

Я вздохнул:

– О... приехали. Ты что же, парень? Темноты бойся, когда люди рядом. А если один, то темнота не друг, но и не враг.

Самое место и время, конечно, прописные истины растолковывать. Сидеть, не смея голос повысвить, ждать, пока стра-

жа вздумает на второй этаж подняться да на пол посмотреть.

– Имбирем пахнет... – тихо сказал Марк. – Перцем, имбирем... мускатом... Здесь пряности хранили?

– Да.

– А долго мы здесь прятаться будем?

– Что, уже устал?

Поднявшись, я прошел по тайнику, ощупывая стены. Семь на семь шагов. Два раза рука натыкалась на деревянные держалки, в которых до сих пор были зажаты факелы. Смоленая пакля – сухая как порох, искру бы...

– Искру бы, – сказал я.

– Зачем?

– Тут факелы.

Марк завозился... и на меня вдруг дохнуло холодом.

– Щенок! – от неожиданности я повысил голос. – Да ты...

– Возьмите.

В мою ладонь лег теплый металлический цилиндр. Не веря удаче, я откинул колпачок, провернул колесико. Вспыхнул желтый язычок пламени, вырвал из темноты бледное лицо Марка.

– И что еще у тебя на Слово привязано? – спросил я.

Мальчишка не ответил. Лишь жадно смотрел на зажигалку. Спohватившись, я подошел к факелу, запалил. Пламя разгорелось мигом. Недолго факелу жить, зато ярко.

– Царапины сильно кровоточат? – Зажигалка была чуть липкой, я отер ее о штаны.

Марк глянул на ладони:

– Нет уже... почти...

– Хорошо. Будет урок, как за лезвие хвататься...

Покрутив в руке зажигалку, я вновь ощутил завистливое восхищение. До чего ж хороша работа! Корпус серебряный, ни щелочки, керосин держит крепко, зубчатое колесико само просится под пальцы, крышка на стальной пружинке. На серебре узорная вязь... та же, что на клинке, кстати.

Да, либо ты, мальчик, вор получше меня, либо кто-то крепко тебя любит.

– Держи. – Я отдал зажигалку. – Что еще у тебя есть?

Марк колебался.

– Отбирать не буду. Даже показать не прошу. Только лучше знать, что у нас в запасе на трудную минуту. Что еще прячешь?

– Кольцо... перстень.

– Еще?

– Больше ничего.

Слишком быстро он ответил. Я воткнул факел в держалку, сел перед Марком, сказал наставительно:

– Мальчик, из-за тебя я жизнью рискую. Мне твоя ухоронка не нужна. Живы будем – можешь мне кинжал подарить, вот и сквитаемся. Но сейчас нам каждый гвоздь, каждая веревочка, каждая монетка в помощь. Ты вот понимаешь, что есть замки, которые я перстнем открою быстрее, чем кинжалом?

Марк покачал головой.

– Я должен знать, что ты на Слове прячешь. Настанет нужда – попрошу. Нет – так и не вспомню.

– Книга у меня еще там. И все.

– Толстая книга?

– Не очень.

– Все равно может сгодиться. Факелов надолго не хватит...

У него глаза раскрылись, как от боли. Мальчишка замотал головой, отодвигаясь от меня:

– Нет...

– Ты что?

– Нет! Я не дам! Она одна в мире такая! Нельзя ее жечь!

Ну вот. Задел за живое.

– Хорошо, – согласился я. – Твое дело, парень. Не дашь так не дашь.

Он все не мог успокоиться:

– Ильмар, вы поймите! Вот этот кинжал... можно еще такой же сделать. Даже лучше. А книгу, если сжечь, то все! Такой уже не будет!

– Успокойся, – попросил я. – Сказал, не дашь, – все. Разговор кончен.

Мальчишка неуверенно кивнул.

– Нам тут сидеть до вечера, – сказал я. – Даже дольше, уходить под утро станем. Факел сейчас догорит, новый пока палить не станем. Так что давай... располагайся.

И сам я последовал этому совету. Прошелся по камере... хоть что-то бы осталось – сукна грубого кусок, или полено, под голову подложить. Ничего. Все выгреб купец. И в стенах дверей больше нет, один выход.

А в полу?

Мысль была дурацкая. И все же – видал я сейфы с двойным дном, видал и тайники в тайнике. Опустив факел, я всмотрелся в доски пола.

Надо же!

Еще люк.

– Подержи огонь, – велел я Марку. Тот торопливо подполз на четвереньках. – Еще одна ухоронка, – пояснил я. – Купец-то был не прост...

Этот люк я открывал не спеша. И шуметь не стоило, вдруг стража уже в дом заглянула, и кинжал стоило побереечь. Когда люк пошел вверх, Марк подполз под самую руку, с простодушным любопытством заглядывая под пол.

– Сестра-Покровительница... – только и вымолвил я.

Пространство под вторым люком было куда меньше. По сути, просто большая яма. Зато – не пустая. Вся заложённая мохнатыми от рыжей трухи кирпичами.

– Понимаешь? – схватив Марка за плечо, спросил я. – А? Пацан? Чуешь?

Конечно, запах не такой приятный, как от специй. Зато будоражит побольше.

Нагнувшись, я поднял один кирпич. Руки обсыпала ржа-

вая труха. Ну и сволочь купец, гад заезжий! Ладно, что ворованное скупал – так зачем бросать-то было на погибель?

– Железо! – сказал я. – Одиннадцать предателей и праведник... это ж надо...

– Хорошее железо? – поинтересовался Марк.

– Плохое. Десятой пробы, а то и восьмой... но...

Я покачал кирпич в ладони.

– Только все равно – здесь центнера два будет, а то и три...

По нынешним скудным временам выходило, что перед нами чуть ли не дневная добыча большого рудника. Если доставить на материк все это железо... даже если через жадных скупщиков перепродать...

Мне сразу представился огромный каменный дом в центре Парижа – на Сене, рядом с пассажирским портом, – собственный конный выезд, мордovorот-охранник у входа... Шутника можно нанять для смеха...

Вот так – появиться в столице, как граф Крист из книжки. И начать светскую жизнь.

– И сколько это стоит? – спросил Марк. Я опомнился.

– Довольно много. Нет, ерунда. Ничего это не стоит.

– Почему?

– Ты не забыл, кто мы? Нам бы самим ноги унести. Один слиток – и то тащить опасно. А если вдруг возьмут с ним – кожу живьем сдерут. Все кражи на рудниках на нашу шею повесят.

Я не смеялся и не запугивал Марка. Так оно и было. От

найденного клада пользы нам ни на грош. Одежда, оружие, горстка монет – это пошло бы в дело. А так – лишнее устройство.

– И думать забудь, – строго сказал я.

– Да я и не думаю...

Не понимает он еще всей цены такого клада. Хорошо ему. А мне теперь, пусть даже уйду живым, до конца дней будет сниться яма, забитая железом.

Пусть даже низкой пробы.

Конечно, если через год-другой, через пять лет рудники вконец оскудеют, охрану отзовут на материк, народец разбежится... Можно будет нанять корабль или, лучше, купить небольшую яхту. Приплыть, забрать железо, и вот он – дом в городе, экипаж, охрана, вино из лучших погребов, шепот девиц на светских приемах: «А кто такой этот Ильмар? Он так таинственно разбогател... это так романтично»...

Впрочем, и Марку эта мысль придет в голову через год-другой. Или расскажет по юношеской дури приятелям за кружкой пива – перед тем как уснуть с ножом в груди. Клады ждут одного, двое – уже слишком много.

Спаси от искуса, Сестра!

Железный кирпич был тяжел. Когда я швырнул его обратно в яму, металл отозвался недовольным гулом. Марк вздрогнул и удивленно посмотрел на меня.

– Не суй голову, расшибет! – прошипел я.

– Извините...

– Задело бы висок – все, хана! Это тебе не камень, это железо! Железо!

– Вы же видели, куда кидаете, – растерянно сказал Марк. – Я осторожно...

Чем больше я понимал, что хотел сделать, тем сильнее меня трясло. Я стал судорожно отряхивать ладони. В кожу будто въелись и корабельная грязь, и крысиный помет, и кровавая железная ржа. Воды бы. Утром выпил полкружки, и все. Раньше давали умыться после корабля...

– Не сердитесь, – попросил Марк. Чуть отстранился. Наверное, что-то у меня мелькало в глазах. – Ильмар...

Факел он держал на отлете, в левой руке. Дурак. Факел – тоже оружие. Хоть и мало он стоит против кинжала в умелой руке.

– Прости, парень, – сказал я. Захлопнул люк. Взял из рук Марка факел, укрепил на стене. Постоял, глядя на него сверху вниз. – Убить я тебя хотел, понимаешь? Искус большой... прости уж.

На секунду губы у него дрогнули, потом сжались. Марк молчал.

– Ладно, считай – забыли. – Я махнул рукой. – Ты мне помог, я тебе. Сейчас обоим бежать надо, а не ссориться.

– Вы меня могли убить – из-за этого? – растерянно выдохнул Марк. – Из-за полусотни железных кирпичей?

Эх, мальчик. Я лишь покачал головой, глядя на него. Сразу видно – сладко ел, мягко спал. Не знает, что такое нужда,

не знает, что такое смерть.

Из-за ржавого гвоздя убивают. Из-за медной монеты. Пусть не я, но чем я лучше других?

– Не убил же, – сказал я. – Все. Хватит. Забыли.

– Я думал, раз вы меня не бросили... – Марк будто размышлял вслух. – Значит, шейей из-за меня рисковать вы готовы. А из-за денег готовы голову размозжить?

Да, действительно, глупо получается. Честь соблюсти, товарища стражникам на поживу не бросить – я готов. И тут же едва-едва удержался, чтобы не убить мальчишку на груди ржавого железа.

Это что же получается?

Жизнью рискнуть я могу, лишь бы все по совести было, как Искупитель велел, как Сестра заповедовала. Сам погибай, а товарища выручай. Запросто, выходит. А вот за деньги, которые и достать-то почти невозможно будет, готов пацана железом в висок...

Странно. И впрямь – странно. Злая скотина – человек. Злая и глупая.

– Вот так оно бывает, – сказал я. – Не сердись, мальчик. Вырастешь – поймешь. Искус – он голову кружит.

Марк молчал. Потрескивал факел, уже обглоданный пламенем до деревяшки.

– Все, хватит, – решил я. Затоптал огонь. Не почуяли бы дым стражники... эх, раньше надо было думать. Вся надежда, что люк хорошо пригнан. От пряностей запах годами со-

чился, в дерево впитывался, чтобы насквозь пройти.

Сев на холодный пол, к стене, я вслушался. Тихо. Может, и нет никого в доме. Одно теперь остается – ждать.

– Скажите, Ильмар, а если бы вместо вас был Славко?

Я ухмыльнулся. Если дурак-душегуб еще жив, то ему несладко...

– Лежал бы ты сейчас под полом, мертвый. А может, и нет. Может, оставил бы тебя Славко до утра. Ночью потешиться, да и мясо свежее будет.

Не видно было ни зги. Так что я, наверное, услышал, как мальчик вздрогнул. Никогда не думал, что можно так громко вздрогнуть!

– М-мясо?

– Ага. Такие, как он, либо бегут не останавливаясь, либо забиваются в нору на неделю. Он бы сожрал тебя.

Нет, откуда он такой взялся? Сидит в темноте, не шелокнется, только в горле что-то булькает. Неужели никогда не слышал, как душегубцы с каторги бегут? У них это называется «теленка прихватить».

– А если бы тут был Иван?

Я едва вспомнил, что так звали кузнеца.

– Тогда ничего. Он человек простой, дикий. Не обидел бы. Вот только не ушли бы вы с ним, тут хватка нужна.

Марк, укрытый темнотой, продолжал размышлять:

– А от вас чего ждать, Ильмар?

– Теперь – ничего особенного. Не разгневаем Искупителя,

не забудет нас Сестра – уйдем. Если уж совсем прижмет... – Я вздохнул, но все же честно закончил: – Тогда я тебя брошу. Убивать не стану, помог ты мне.

Марк молчал. Кажется, напугал я его словами про «мясо».

– Я человек непряхотливый, – сказал я. – Могу и крысой перекусить. Могу из дождевых червей запеканку сделать. Не бойся. Да и не душегуб я, простой вор. Будет на то воля Искупителя – уйдем.

Про червей я соврал. Только сейчас Марку нужна была такая ложь – противная, отрезвляющая.

Да и аппетит пропадет. Утренняя каша в воспоминаниях уже казалась вкусной. Я-то привычный, а мальчишке, верно, живот сводит...

Он завозился в темноте. Подполз, привалился ко мне тощей спиной. А неплохо парень на звук ориентируется!

– Как нога? – спросил я.

– Уже получше, – без особой уверенности сказал Марк. Он был напряжен, как каторжник под плетями. На корабле мальчишка словно в дремотном оцепенении был, а теперь ожил – и сразу попал в переплет. Тяжело. Понимаю.

– Возьми-ка, – попросил я. Протянул ему нож и зажигалку. Рука Марка вздрогнула, касаясь металла. – Припрячь на Слово. А то потеряем в темноте.

Порыв холодного ветра.

– Спасибо, – сказал Марк.

Так оно правильное будет. И мальчишка перестанет тря-

стись, что я его прикончу – зачем бы тогда клинок и огонь отдал? И мне спокойнее... не проснусь от вцепившихся в горло онемелых от страха рук.

Глава третья, в которой я довожу счет до восьми, а Марк его уменьшает до семи

Проспал я часов пять-шесть. От усталости не было сил поточнее себя на пробуждение настроить. Уснул я быстро, пробормотав про себя молитву о напрасных терзаниях, что Сестра когда-то сложила. Никогда меня эта молитва не подводила, с самого детства. Нашкодишь вечером, знаешь, что под утро либо материнскую оплеуху получишь, либо ремня отцовского – по настроению, а помолишься Сестре – и сразу легче. «Воля моя, я сделал, что хотел, сделал, что мог. Если будет беда – мой страх ее не прогонит, если не будет беды – мой страх не нужен. Не жалею о том, что сделано, размышляю о том, что сделаю»...

Простенькая молитва – это не прошение об исцелении и не покаяние в грехах, зато всегда помогает.

Марк, наверное, уснул не сразу. Но тоже уснул, уронив голову мне на живот. Когда я пошевелился, мальчишка проснулся. Вздрыгнул, но больше ничем пробуждения не выдал.

Молодец.

Нет, есть в нем правильность. Как над аристократами ни смейся, сколько анекдотов ни трави: «Попали на необитае-

мый остров лорд, купец и вор»... А все равно – посмотришь на дворянина и позавидуешь. Словно все его предки высокогородные за спиной стоят, подбородки гордо выпятив, руки на мечи положив. Не подступись... такого даже убей – все равно победы не почувствуешь.

Видел я однажды атаку преторианского манипула. По молодой дури завербовался в баскский легион, что против иберийцев под Баракальдо выступил, выделения Басконии в отдельную провинцию требовал. Ох... дали же нам жару. Угрозило меня оказаться именно на тех позициях, куда преторианцев и послали. Понятно, все эти бароны да графы иберийские экипированы были – нам не чета. Стальные доспехи, мечи, самострелы, у каждого третьего – пулевик многозарядный. Да только не этим они нас взяли, совсем не этим. У нас тоже оружие имелось приличное. А по флангам два наших лорда засели со скорострельными пулевиками... как начали стрелять – свои в землю зарылись. Я рядом был, видел, как его светлость лорд Хамон Слово произнес да из ниоткуда пулевик вытащил. Личная охрана вокруг сомкнулась, мечи наголо, в глазах – ярость. А Хамон пулевик установил, оруженосец зачем-то воду в ствол залил – и началось. Грохот, будто все барабанщики легиона тут собрались и в припадке о свои барабаны бьются.

Смяли. Семерых положил лорд Хамон, а уж сколько ранил – не сосчитать. Только все равно дошли преторианцы до позиции, порубили охрану да в спину лорда пику вонзили,

пока он с замолчавшим пулевиком возился. Вот она – дворянская статья!

Только и Хамон не слабее был. Умирал, кровью захлебывался, а Слово сказал. Исчез пулевик скорострельный, прямо из рук иберийцев-победителей исчез. Навсегда. Вряд ли Хамон кому свое Слово при жизни раскрыл...

Я потрепал Марка по голове:

– Подымайся, мальчик. Хватит притворяться.

– Я не притворяюсь. – Марк отстранился.

– Достань огонек, – попросил я. Через миг мне в руку легла зажигалка.

– Сколько времени? – спросил Марк.

– Часов нету. Ты уж извини, – хмыкнул я. Встал, побрел сквозь темноту к стене, где был факел. – Может, у тебя есть? На Слове?

Марк сердито засопел.

– Я вам все назвал, что у меня на Слове есть. Да и какой толк от часов в Холоде?

– А почему бы и нет?

– Они же не идут там. В Холоде как положишь, так и достанешь.

Вот оно как. Не знал. Значит, и пулевик лорда Хамона сейчас там, в Холоде, а пар из ствола брызжет, брызжет и не кончается...

Я зажег факел, посмотрел на трущего глаза Марка.

– Вечер сейчас, парень. Темнеет уже. Еще часика три по-

дождем – и в путь-дорогу. Как нога?

Он пожал плечами. Оставив факел на стене, я подошел, приподнял мальчишку.

– Обопрись на ногу. Осторожно.

Марк ступил, аккуратно перенося вес на больную ногу.

– Вроде ничего... ой. Колет немного.

На лбу у него выступила капелька пота. Хорошенькое «немного».

– Сядь, – с досадой сказал я. – Штаны снимай.

Пока он покорно расшнуровывал ботинки и раздевался, я снял куртку, начал отдирать рукава.

– Возьмите...

Марк протянул нож. Никак я не привыкну, что рядом – знающий Слово.

Два взмаха – и вместо куртки я получил жилетку. Эх, долго одежда служила. У хорошего портного шил – так, чтобы с виду дрянь дрянью, а на деле и тепло было, и крепко.

– А зачем это?

Неужели и впрямь не понимает?

– Ногу тебе перетянуть.

– Можно было мою рубашку...

Я покачал головой. Тонкий батист тут не сгодится.

– Так лучше выйдет. Теперь потерпи.

Минут десять я массировал ему голень. Наверное, Марку было больно, но он терпел. Потом я плотно замотал мальчишке ногу разрезанными вдоль рукавами. Не слишком ту-

го, но так, чтобы поддержать мышцы.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Марк.

– На том свете сочтемся, – отрезал я. – Руки перевязать не надо?

– Нет... спасибо, уже нормально...

Вот уж чего не люблю – когда благодарят. Словно привязывают благодарностью – с одной стороны, приятно, а с другой – и дальше выхода не будет, кроме как помогать.

– Штаны налезут?

Брюки у него были узкие, из плотной, крашенной индиго парусины. Конечно, на замотанную ногу они не налезли, пришлось распороть штанину.

– Вот теперь ты нормальный оборванец, – решил я, поглядев на Марка. – Уже не так смахиваешь на высокородное дитя.

Марк испуганно посмотрел на меня.

– Не бойся, – сказал я. – Мне, в общем, плевать, каких ты кровей.

– Почему вы... решили, что я высокородный?

– Да у тебя на лбу фамильное дерево нарисовано. Голубая кровь, фамильный дворец, все дела...

Он по-прежнему был напуган.

Я вздохнул и разъяснил:

– Марк, вот ты вроде обычный пацан. Одет неплохо, но не более. Грязный, тощий. Только я-то вижу, тебе вся эта грязь – как рубашка с чужого плеча. Порода в тебе есть. Благо-

родные предки, камердинер, гувернантка по утрам умывает, охранник до двери нужника провожает... Что, ошибаюсь?

Марк молчал.

– Ну и Слово... сам понимаешь. Откуда тебе его знать? Один ответ – подарили.

– И что?

– Ничего. Мне-то какое дело? Марк ты, или Маркус, мне едино. Хочешь расскажу, как все с тобой было? Отец твой граф или барон. Вряд ли принц из Дома, хотя... А матушка небось попроще. Бастарду тоже всякая судьба выпадает. Нет у папаши наследника – вот и растят в роскоши. Мало ли как сложится... вдруг придется род наследовать.

Мальчик молчал. Впился в меня темными глазами, выжидал.

– А потом вдруг получилось у аристократа. Законная жена дитя родила. И тут уж... стал ты обузой. Могли и прикончить. Но кто-то постарался, верно? Думаю, папаша твой добрым оказался. Спрятал тебя... на рудники отправил. Все лучше, чем помирать. Так?

– Не... не совсем...

Глаза у Марка заблестели. Ну вот. Довел пацана до слез.

– Перестань. – Я присел рядом и рукавом его же рубашки утер слякоть. – Нечего жалеть. Жизнь крутит-вертит, а Искупитель правду видит. Кого любит, того испытывает. У тебя все равно... такое сокровище осталось, что мне и не снилось никогда.

Марк тут же затих.

– Да не буду я Слово пытаться... Скажи лучше, что ты чувствуешь *при этом*?

– Холод.

– И все?

– И все. Словно руку в темноту протянул, но знаешь, что должен найти. И находишь. Холодно только.

– Понятно. Значит, все равно что жратву с ледника воровать. Ничего особенного.

И что это все мысли к еде сводятся? Марк уставился на меня. Удивленно сказал:

– Вы смеетесь. Вы же смеетесь!

– Да. А что, нельзя?

Он неуверенно улыбнулся:

– Нет, я не думал, что вы умеете. Вы все время такой мрачный.

– Знаешь, Марк, брось свое «вы». Я тебе не граф, да и ты мне не принц. Оба мы беглые каторжники – один молодой, другой старый. Договорились?

Мальчик кивнул:

– Ладно. Ты прав, вор Ильмар.

– А ты молодец, бастард Марк, – вернул я любезность. – Дворцов, может, и не наживешь, но и не пропадешь. Ты хоть что-то делать обучен?

– Кое-что.

– Например?

– Фехтовать. Стрелять.

Я не сразу его понял. Кто же ребенку оружие доверит?

– Из пулевика?

– Да.

– Тебя и впрямь в наследники готовили, – признал я. –

Что ж, полезное умение. Значит, воевать обучен. Дюжину-то начал?

Мальчишка сжал губы. Неохотно выдавил:

– Не знаю. Может быть.

– Это плохо. – Я покачал головой. – Пока точно не узнаешь, считай, что начал. Дюжине как счет ведут? Если ранил кого и за неделю не помер – значит, не в счет. Если не убил, а дал помереть... ну, вот если бы я тебя на улице страже бросил, – так тоже не в счет. Это судьба. Но если точно не знаешь – считай, что убил. Так спокойнее.

– Я знаю.

– Хорошо. Диалектам обучен? Романский ведь тебе не родной, верно?

Марк промолчал.

– Не родной, чувствую. Да не беда, ты на нем говоришь здорово, не придиришься. Чуть по-ученому, словно выпендриваешься, но такое бывает. Русский ты знаешь – слышал, как ты с кузнецом говорил. По-галльски говоришь?

– *Oui.*

– Иберийский, германский?

– *Si, claro. Ich spreche.*

– Небось еще языки знаешь? – предположил я. – А?

Мальчишка кивнул. И в глазах у него мелькнула легкая гордость.

– Уже много, – похвалил я. – Вырастешь, так сможешь переводчиком работать. Хорошие деньги, особенно если к аристократу в прислугу устроиться...

Вот, опять. На этот раз он заплакал. Молча, но по-настоящему. И впрямь, чем я его обрадовать вздумал? Что он будет занюханному барону прислуживать, когда себя графом или герцогом мнил?

– О прошлом не плачь, о будущем думай! – гаркнул я, пытаюсь грубостью прервать слезы. – Здоровый уже парень!

Марк продолжал реветь. Моего тона он не испугался – оно, конечно, приятно, но как успокоить-то?

– Тебе думать надо, как вырасти! – резко сказал я. – А там лови счастье, повезет, так и титула добьешься! Вот выберемся с Островов, – я постарался вложить в эти слова такую уверенность, которой вовсе не испытывал, – чем зарабатывать станешь?

Он дернул плечами.

– Голова у тебя умная, – вслух рассуждал я. – С такой головой на мануфактуру заниматься – Искупителя гневить. В монастырь? Ты не калечный, чтобы монахи пригрели... да и паршивое это дело, монашеская любовь, они там через одного извращенцы, покарай их Искупитель... В храм Сестры не предлагаю тем более, сам понимаешь.

Марк торопливо кивнул. Он словно всерьез решил, что сейчас решается его будущая судьба. Да и я увлекся этой игрой. Надо же, Ильмар Скользкий, вор из воров, о брошенном бастарде заботится!

– Есть у меня пара купцов знакомых. Хороших купцов, крепких. – Я не стал уточнять, что крепость их проистекает из скупки краденого. – Могу поговорить, чтобы взяли тебя в ученики. Не насовсем, конечно, подрастешь – уйдешь. Заодно подзаработаешь немного. Математике ты хорошо обучен, не сомневаюсь. Диалекты знаешь. И сам парень крепкий. Если попрошу, тебя не обидят. Могу сказать, что ты мой сын. – Я ухмыльнулся. – По возрасту впритык, но можно наплести. Будет крыша над головой, сыт будешь. И опять же – в языках практика, в математике, интересные люди каждый день приходят, с охранниками сдружишься – будет с кем на мечах тренироваться...

Я с таким увлечением начал живописать радости купеческой жизни, словно сам вырос в лавке и ушел оттуда по несчастливой случайности. Марк плакать перестал. Зато спросил:

– А что же вы... ты, Ильмар, торговлей не занимаешься?

– Я птица вольная.

Марк усмехнулся.

– Еще я взрослый человек. Ясно? Меня даже душегубцы боятся, мне везде приют.

– Станный ты, Ильмар, – очень серьезно сказал Марк. –

Я вначале думал, ты ловкий дурак. Не обижайся!

Ох и приложил! Я проглотил обиду:

– А чего тут обижаться? Ворье – оно такое и есть, мальчик. Ловкое, хитрое да глупое. Сколько ни прыгай, а конец один – или от чахотки в руднике, или на мече солдатском.

Марк кивнул.

– Я о том и говорю. Ты же сам диалекты знаешь. И вообще всему ученый. Я же видел, как ты нож держал...

Я вздрогнул.

– Воевал я, мальчик. Довелось.

– Простым солдатам стальной клинок не положен, – спокойно возразил Марк. – Да и не в этом дело. Тебя и впрямь всякие бандиты слушаются и стража побаивается. Не силы, ума боятся. Неужели ничего другого не нашел, кроме как воровать?

– Воры разные бывают, – стараясь оставаться спокойным, ответил я. – Одни на ярмарке карманы чистят, другие с кистенем по большой дороге гуляют, третьи дома грабят.

– А ты этим не занимался?

– Бывало, – признал я. – С голодухи чего только не сделаешь, парень. Только у меня другое умение.

Марк ждал, и я почему-то решился на откровенность:

– Я то ворую, что уже никому не принадлежит. Думаешь, почему Ильмара Скользкого, о чьей ловкости и фарте песни поют, на виселице не вздернули?

– Ты откупился, – спокойно ответил Марк.

– Не без того, – признал я. – Рассказал кое-что судье, когда писарь отлить ушел. Только, будь на меня жалоба от какого лорда, не помогло бы это. А вот – нет обиженных.

– Ты грабишь могилы?

Голова у него работала.

– Не совсем могилы, мальчик. Мертвых тревожить – гнусное дело. Знаешь, сколько старых городов по миру раскидано? Пустых, заброшенных. Городов, храмов, курганов, склепов. Всеми они забыты, никому не нужны. В склепах тех уже не мертвецы – тлен, и никому с моего воровства обиды нет. Найти такие места, древние, непросто, нетронутые – того труднее, а уж сделать так, чтоб никого по своему следу не навести... А ты знаешь, как раньше люди жили? Ты видел когда железные двери? Железные двери в склеп, где мертвые лежат? Я видел. Сил унести не было, а так... сидел бы я тут.

– Повезло мне, что у тебя сил не хватило, – сказал Марк.

– Значит, повезло, – согласился я. Мне было очень интересно, попросит мальчик взять его в подручные или нет? Я бы на его месте – попросил. Точнее, я в свое время – попросил.

– А почему ты мне это рассказываешь, Ильмар?

– Это не тайна, Марк. И я не один такой, может, удачливее других – вот и все. Ну, знаю кое-что полезное. Языки древние, например.

Мальчишка молчал. Сейчас он сидел, подтянув колени к груди, опустив на них подбородок, и, казалось, о чем-то глу-

боко задумался. Лицо у него умное, даже под размазанной слезами грязью. Если попросится в подручные... а ведь возьму, точно возьму! Смешливый, не подлый, да еще со Словом. Знай я Слово – ох, что бы тогда было! Сбил бы железные ворота с петель, коснулся, да и отправил в Холод. А потом...

Меня обожгло припоздалой мыслью.

– Марк, мальчик, а можешь ты еще что-нибудь в Холод спрятать?

Он грустно посмотрел на меня. Словно я сказал ужасную глупость, отрывая его от важного дела:

– Кирпичик железный?

– Например. Можно не один.

– Нет, Ильмар. Честное слово, нет, Слово не то. – Он улыбнулся, то ли своему незамысловатому каламбуру, то ли моей огорченной физиономии. Будем считать, что каламбуру.

– Тяжело тащить?

– Да нет, что ты. На Слово можно что угодно повесить, разницы не чувствуешь. Дело в том, какое Слово.

– Понятно. У тебя – слабое.

– Тут не в силе дело, я же говорю. И от Слова зависит, и от человека. Может, кто другой с тем же Словом сумел бы все эти кирпичи...

Марк замолк и съежился под моим взглядом.

А мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, вспом-

нить, что Сестра заповедала, да представить себе ад, куда Искупитель подлецов отправляет.

– Знаешь что, Марк... Пойдем мы, пожалуй. Подальше от этих кирпичиков.

Я встал сам, помог подняться мальчишке. Ступал он уже неплохо, может, с перепугу, но не морщась.

– Только если нас поймают... не ляпни стражникам про Слово, – посоветовал я. – Видел я однажды мужика, из которого Слово пытали...

– Ильмар...

Вытащив факел – тот уже начал потрескивать и чадить, я посмотрел на Марка. За эти мгновения мальчишка словно повзрослел года на три.

– Спасибо тебе, Ильмар. Пусть Сестра тебя отблагодарит. А я никогда не забуду. Что хочешь для тебя сделаю, Искупителем клянусь!

Я не стал ловить его на клятве и просить Слово. Вместо того потрепал по плечу и стал подниматься по лесенке. Кинжал я взял в зубы, опасно поджав язык. Полезная предосторожность, от многих бед избавляет.

Еще бы и Марк это понял...

Марк шел сзади, с факелом. Он хромал и оттого шумел, но шел довольно быстро. А я крался впереди, вне круга света. Бесшумно, никто не учует. Если вдруг есть в доме засада – кинутся на мальчишку, тут и настанет черед кинжалу

поработать.

Но никого в доме не было. Видно, сработали мои уловки. Отбил крысиный помет нюх собакам, замела ветка следы. Двинулись стражники по улице, уткнулись в арык, да и решили, что по воде мы ушли...

У дверей я дождался Марка. Молча забрал факел, затоптал. Крепко взял мальчика за руку и повел за собой. Темно было, очень темно, луну тучи закрыли, Опять спасибо Сестре. В темноте мне любой стражник не помеха. Для меня – едва контуры домов проступают, а для солдат – непроглядная темень.

– Хорошо складывается, – прошептал я на ухо Марку. – Теперь в горы пойдем. Там отсидимся – неделю, две... да и двинемся к порту. Морьякам приработок не лишний будет. Заплатим – укроют, отвезут.

Марк замотал головой:

– Нет! Нельзя в горы!

– Это еще почему? Меня боишься?

– Нет... Ильмар, меня искать будут!

– Неделю, не больше. Солдатам дел больше нет, как по горам...

– Ильмар, милый! – Он схватил меня за руку, впился ногтями до боли. – Ты же умный! Поверь! Я на каторгу по ошибке попал... как поймут в чем дело, пошлют за мной! И тогда весь остров перероют, горы снесут, шахты наизнанку вывернут... Ильмар, поверь!

От такого напора я остолбенел. А Марк все цеплялся за меня и шептал не переставая:

– Ты же хорошо людей понимаешь, я вижу. Так подумай, правду я говорю или нет!

– А сам-то ты себя понимаешь? Ну с чего тебя искать будут?

Марк тихонько застонал. Безднадежно сказал:

– Ну вот...

Я закрыл ему рот ладонью – уж очень голос повысил. Спросил:

– Мальчик, а что делать прикажешь? Солдат всех перерезать да власть на островах держать? Корабль штурмом взять, да черный флаг на мачте выкинуть? Планёр в крепости захватить да улететь как птицы?

– Можно и планёр.

– А летуна попросим, чтобы вез куда надо?

– Я сам поведу. Я умею.

– Да ты с ума съехал... – Я легонько потрянул мальчишку. – Планёры водить лет семь учатся, лучшие из лучших! Это тебе не из пулевика стрелять, это наука тонкая, ее и в Доме не всякий знает!

– Я знаю!

– Марк. – Я постарался, чтобы в голосе сейчас появилась вся строгость, от природы отпущенная, и несложно это было сделать, честно скажу. – Я дурию страдать не намерен и голову в петлю не суну. Не хочешь в горы – уходи куда знаешь.

Нож я тебе... нет, нож не отдам. Тебя не спасет, мне поможет. А в остальном преград не ставлю. Решай.

Он всхлипнул.

– Марк, говори!

– Я... я пойду... с тобой.

– Вот и хорошо. Умный мальчик. Идем.

Двинулись мы по улице, и Марк сразу затих. Не стал на слезы сил тратить и шуметь не стал. У меня даже подозрение закралось, что все всхлипы были для того, чтобы меня растрогать.

Нет уж, дружок. Я не злой, видит Искупитель. Даже добрый, наверное. Но по глупости умирать не собираюсь.

В горах нас никто не достанет, и с голоду там не пропадешь – в холмах кроликов, как на болоте комаров. Холода тоже бояться нечего, Печальные Острова – они теплые, не чета материку. Отсидимся в горах, доберемся до побережья, найдем корабль с жадным капитаном, вернемся домой. Поумнеет парнишка, так и впрямь не брошу, пристрою к лысому Жаку или Пейсаху-иудею. Все хорошо будет. Если уж Сестра с этапа вытащила, так теперь...

Слишком я расслабился. И почуял засаду шагов за двадцать, хотя должен был за пятьдесят. Впрочем, и засада была хороша – застыли недвижно у стены три силуэта, два побольше, один поменьше. Молча, без болтовни, без курева. То ли новобранцы ретивые, то ли опытные служаки.

Я застыл, сжал ладонь Марка до боли. Мальчишка понял,

замер.

Вот ведь незадача. Они нас пока не слышали, может, задремали все же? Но не ровен час... треснет щепка под ногой пацана, откроет он рот...

Очень медленно я подхватил Марка под коленки, поднял на руки. Его шагу я не доверял, лучше уж за двоих прошагаю. Только бы молчал, погодил с вопросами!

Марк словно онемел. Даже дышать перестал. Молодец. И вот это его понимание, готовность довериться меня и подвели. Вместо того чтобы сразу отступить, я решил пройти мимо дозора. За кольцо облавы вырвемся – легче будет. Поутру стражники доложат, что никто мимо не проходил, значит, станут развалины прочесывать. А мы уже далеко!

И я шагнул вперед. Бесшумно, не подвели ботинки на дорогом заморском каучуке, и все навыки разом вернулись, и мальчик застыл, цепляясь мне за шею, съезжившись, будто стараясь полегче стать.

Вот только тот силуэт, что поменьше, шелохнулся – и залаял!

Дурак!

Я дурак!

Конечно, кто же наряжает в ночь дозор из трех человек, по караульному уставу положено посылать двоих с собакой!

– Кто идет! – рявкнули от стены. Голос был совсем не сонный, прокуренный, крепкий. Не салага-новобранец, опытный стражник там сидел.

Уже не таясь, я поставил Марка на землю, толкнул за спину, выхватил кинжал.

– Взять их, Хан!

Все правильно, как еще свирепую русскую овчарку называть, как не Ханом...

Черная тень метнулась к нам, я вытянул вперед руки с кинжалом. Когда между нами оставалось шагов пять, пес прыгнул, норовя вцепиться в горло, как учили.

Вот только я уже присел, вскидывая руки, ловя беззащитное собачье брюхо на стальное острие.

Пес взвыл, когда металл вспорол ему живот. Инерция прыжка была велика, и ударил я хорошо. А уж к заточке лезвия никто бы не придрался. Вспорол я пса от горла до кобелиных достоинств, меня окатило кровью, словно небеса разверзлись. Пес перелетел через меня, сбил с ног Марка, задергался – но уже в предсмертных конвульсиях. Мальчишка вскрикнул, но не от боли, от испуга, разницу тут сразу чувствуешь.

– Сукины дети, душегубцы! – заорал стражник. Видно, понял, что с его псом случилось, и остервенел. – На клочки разорву!

Все бы ничего, в темноте он бы мигом отправился свою собаку догонять, вот только второй стражник время даром не терял.

Зашуршало, и ночь расступилась под светом новомодной карбидной лампы, ярче которой и у высокородных ничего не

водится.

Оказались мы перед стражниками как на ладони – я с кинжалом, весь в крови, и Марк, по земле от дергающегося пса отползающий.

– Оба тут! – сказал стражник с фонарем. Голос был не испуганный и не злой, а это хуже всего. Еще и лампа у них оказалась не с зеркалом, что только в одну сторону светит, а круговая – не вырвешься из света. Стражник поставил фонарь и потянулся к поясу.

Сверкнули палаши. Хорошие палаши – пусть и не стальные, и не такие острые, как мой кинжал, да только длиннее его раза в четыре.

Они оба на меня двинулись – видно, поняли, что Марк им не помеха. А может, еще почему... стражник с фонарем напомнил товарищу, быстро и коротко:

– Пацана не тронь, награда...

Это что же такое, братцы-воры, не за меня – Ильмара Скользкого, о котором по всей Державе лихая слава идет, – за маленького бастарда награда назначена!

Я начал отступать, отведя кинжал к плечу, к броску изготовившись. На миг-другой это их сдержит. Без кинжала я добыча легкая, только тому, кто первый вперед шагнет, от этого не легче.

– Эй, шваль...

Марк, согнувшись, стоял над затихшей собакой. И голос у него был... правильный голос, настоящего аристократа, ко-

торому глупый стражник на улице дорогу заступил. Солдаты вздрогнули и невольно повернулись.

Руки у мальчишки почему-то были во вспоротом собачьем брюхе. Он распрямился, сжимая ладони – лодочкой, прости Сестра! – взмахнул ими – как детишки, играющие и брызгающиеся в воде.

Густая, темная собачья кровь плеснула в лицо стражникам. Вот уж чего они не ожидали – так это умыться кровью.

– А... – как-то глупо и растерянно сказал стражник, который спустил на нас пса. А в следующий миг обида перестала его занимать – я прыгнул вперед и дотянулся клинком до шейной артерии. Что там брызги собачьей крови... теперь он в своей был с ног до головы.

Второго стражника я ударить не успел. Он отступил, умело прикрываясь палашом, не тратя времени на напрасную атаку. Только теперь силы были неравные – он один, а нас двое. И мальчишку он больше со счетов не сбрасывал, не решался к нему спиной повернуться. Так и пятился, отступая, ловя взглядом кинжал в моей руке. Взгляды наши встретились, и в его глазах я прочитал страх. Достаточный для того, чтобы рискнуть нагнуться и вынуть из мертвых рук палаш.

– Брось оружие, – сказал я. – Слово Ильмара – не трону!

Я бы его и впрямь пощадил. Если бы оружие кинул и рассказал все, что знал – где другие посты, сколько человек нас ловит, что за награда обещана за Марка, – связал бы да и оставил в развалинах судьбы дожидаться.

Только стражник не поверил. Пятился, сколько мог, а потом развернулся и бросился бежать, на ходу что-то из кармана доставая. В запале мне померещилось, что это ручной пулевик.

Ножи метать я умею. Самое воровское оружие, что уж тут говорить. К этому кинжалу я еще не привык, да и не пробовал его метать. Но баланс был правильный, кровь кипела в горячке драки, и я решился.

Кинжал вошел ему под лопатку, и стражник кулем рухнул. Лежал, подергивался, но ноги его уже не слушались.

– Одиннадцать предателей... – выругался я. Посмотрел на Марка – хотелось на ком-то сорвать злость.

– Я же говорил, не надо в горы, – быстро сказал мальчишка. И я опомнился. Все верно, это я выбрал дорогу. Да и в схватке Марк себя показал настоящим мужчиной, а не высокородным сопляком. До такого додуматься... кровью из собачьих потрохов глаза врагам залить.

– Спасибо, Марк, – сказал я. – Снова я твой должник.

Мальчик посмотрел на собаку. Попросил:

– Дай палаш, Ильмар.

Я подошел, протянул ему оружие. Марк нагнулся и одним взмахом перерубил собаке горло.

Правильно. Пес еще жив, просто оцепенел от боли. Нечего ему мучиться. Он-то не виноват.

С голыми руками я пошел к стражнику. Тот отчаянным усилием перевернулся на бок. Посмотрел на меня, скривил-

ся в злой ухмылке... и поднял руку с короткой трубочкой.

Нет, это был не пулевик. Ракета сигнальная. С самозападом. Стражник последним усилием сжал трубку, и в небо с воем взмыла огненная стрела. У меня все внутри похолодело – я запрокинул голову и увидел, как над городом расцвела алая звезда. Ракета визжала еще секунд пять, потом разорвалась красивым карнавальным дождем.

Я нагнулся над стражником, оперся на одно колено, с запоздалым ужасом понимая, что подожди он, пока я приближусь, да направь ракету мне в живот – все. Отбегался бы Ильмар. Стал бы не Скользким, а Жареным.

Видно, и впрямь он был хорошим стражником. Предпочел не с убийцей своим поквитаться, а сигнал подать.

– Конец тебе, душегуб, – прошептал стражник. – Линкор завтра в гавань входит... десант высокородный весь остров прочешет. Нахлебаешься кровушки...

– Не ври перед смертью, – сказал я, чувствуя противный холодок по хребту. – Ради двух каторжников аристократ зад от кресла не подымет...

Стражник осклабился жуткой предсмертной ухмылкой и закрыл глаза.

Вот тебе и восьмой из дюжины, Ильмар. Видишь, как Искупитель с небес грустно смотрит? Скоро он вздохнет, да и отвернется...

– Если Серые Жилеты за остров возьмутся, тут мышинной норы неучтенной не останется, – сказал Марк из-за спины.

Я повернулся:

– Ты что, веришь ему? Орлы мух не ловят, преторианцы за каторжниками не охотятся!

– А что еще за линкор с десантом? – Мальчишка остался невозмутимым. – Серебряные Пики на Кавказе, хану руссийскому помогают...

Я вспомнил собачий прыжок и невольно вздрогнул.

– Золотые Подковы – в столице, Медные Шлемы из Лондона не выведены, беспокойно там. Только Серые Жилеты и остаются.

О лучших преторианских частях Дома Марк рассуждал с такой небрежностью, как я мог бы вспоминать подружек, сидя за кружкой пива в кабаке. Галина на юг поехала, Джуди опять замуж вышла, Натали болеет, одна только толстушка Мари готова Ильмара утешить...

– Да не станут аристократы...

Я замолчал. Марк смотрел мне в глаза – виновато и безнадежно. Он тоже понимал, что такое Серые Жилеты – не щеголи для парадов и почетных караулов, вроде Золотых Подков, а подлинная боевая сила Дома, каждый со Словом, каждый с пулевиком, пороху понюхавшие, кровушки попившие, и в огонь и в воду готовые, не ради денег – что им, высокородным, деньги, – ради славы...

Может быть, Марк понимал это лучше меня.

– Чего ты натворил, парень? – спросил я.

– Вор я, Ильмар Скользящий. Вор, как и ты. Только то, что

я украл, дорого стоит. Очень дорого.

И на этот раз я ему поверил. Перевернул тело, выдернул из спины стражника нож, обтер о мундир, протянул мальчишке.

– Возьми. Я палаш прихвачу.

– Зря я к тебе навязался, – вдруг сказал Марк. – Знаешь, Ильмар, разделить нам надо. Если Серые Жилеты меня раньше схватят, то за тобой гоняться не станут. Отсидишься, да и уйдешь.

Секунду я размышлял, нет ли в его словах чего дельного. Потом покачал головой. Даже если и впрямь – главная охота за Марком, меня все равно в покое не оставят. От такого конфуза, как высадка на остров высокородных преторианцев, стражники с ума сойдут. Им тоже сил хватит горы перетрясти и шахты вывернуть.

– Вместе уйдем, – сказал я. – Обшарь карманы у того стражника.

Марк спорить не стал. А вместо того прикоснулся к мертвому телу и сказал:

– Беру его смерть на себя, Искупитель.

Я раскрыл было рот, но промолчал. Поздно уже. Чего теперь. Имел Марк такое право, как-никак мы вместе сражались.

А мне все же полегче. Семь – не восемь. Чувствовал я, что еще придется пролить кровь на проклятых Печальных Островах.

Глава четвертая, в которой я решаю, какая смерть веселее, но мне ничего не нравится

Эх, если бы не Серые Жилеты! Уйти сейчас в холмы, и никакие стражники не успеют на сигнальную ракету. Но теперь... это все равно что при пожаре в дальний угол забиться, чтобы попозже поджариться.

При пожаре бежать надо. Бежать, пусть даже сквозь огонь – пока не разгорелся как следует.

Я снял со стражника плотную зеленую куртку, надел вместо своей. В карманах ничего хорошего не оказалось. У второго Марк нашел три маленькие медные монетки и еще одну сигнальную ракету. Ни еды, ни карты... да зачем им карта, если они на Островах годами живут, все закоулки знают?

Фонарь брать не стали, я просто потушил его, чтобы не облегчать врагам работы. Велел:

– Пошли. Хватит медлить.

Марк вопросительно смотрел на меня. Я вздохнул:

– Нет, не в горы. К порту идем. Вдруг да повезет?

– На корабль?

– Пошли, времени нет!

Как стража посты расставила, я примерно представлял. На всякий случай прикинул по самому тревожному расписа-

нию – когда офицеры с пеной у рта бегают, комендант оплеухи налево-направо раздает, сержанты пинками солдат гоняют. Сеточка была плотная, но не настолько, чтобы не прошмыгнуть. Если бы еще один пост заметить, совсем спокойно бы шли...

Отошли мы метров на сто, когда мимо нас, затаившихся в переулке, прогрохотали сапоги. Бежали четверо, к счастью – без собак, двое с фонарями, яркие лучики скользили по развалинам. Я прикинул направление, время, и мы свернули правее. Вовремя – как раз успели разминуться с еще одним нарядом. Эти были с собакой. Хорошо, что их азарт передался псу, и тот нас не учуял.

Ох, сейчас станет тяжело. Найдут тела – озвереют вконец. Из самой опасной зоны мы, правда, выбрались, и затянутые силки поймали лишь пустоту. Зато и развалины кончились, потянулись трущобы. Кое-где в окнах горел свет. Хорошо хоть по улицам никто не шастал, все укрылись за крепкими дверями... беглых каторжников бояться. Это значит – нас. Я поглядывал на Марка. В неверном жиденьком свете лицо казалось бледным, но губы сжаты твердо, и глаза живые. Хорошо держится. Я решил, что можно особо за него не беспокоиться.

Мы уже почти до порта добрались, когда с окраины с визгом взмыли сигнальные ракеты. Три красные, желтая, а потом еще красная.

– Армейским кодом сигналият, – шепнул я мальчишке. –

«Дозор потерян, враг не обнаружен».

Марк промолчал.

– Постой здесь, – велел я. – Если услышишь шум... ну, шум – ничего. А вот если после шума минут десять пройдет, а меня не будет – уходи. Куда хочешь уходи, Сестра тебе в помощь. Чуть-чуть я позапираюсь, потом все выложу, уж не серчай.

Мальчик кивнул, и дальше я пошел один. Место у него было удобное, за толстыми колоннами, поддерживающими полукруглый балкон, в полной тьме. Искать тут не станут, а случайно не увидят.

Я собирался присмотреть корабль, что готовится в море выйти, и заметить, как к нему добраться. Вся надежда у нас была – укрыться в трюме да выйти уже в море. Тогда, может, и столкнемся с капитаном. Была у меня на материке еще заначка, на черный день берег, но куда уж чернее?

Вот только все мои надежды рухнули, когда я выбрался к набережной и посмотрел на порт. Сердце в пятки рухнуло и пот прошиб.

Весь порт был яркими огнями опоясан. Прямо на земле расставили карбидные фонари, у каждого солдат сидел, да еще несколько патрулей прохаживалось. И корабли в гавани стояли, вытравив канаты на всю длину, и тоже в огнях, как на тезоименитстве главы Дома, и матросы на палубах.

Они и не таились ничуть. Вовсе не для того порт оцепили, чтобы нас поймать, – понимали, что мелкая рыбка в любой

сети прореху найдет. Отпугивали они нас от порта, вот как. Ясно давали понять – не подходи, ничего здесь не выйдет.

– Сестра-Покровительница... – прошептал я. – За что же так? А? Разве я последний гад на земле? Разве заветов не чту?

Молчала Сестра. То ли не хотела помочь, то ли не могла. Говорят же – Сестра всем помогает, только кому больше, кому меньше.

Вот, видно, и для меня настало меньше.

За минуту в голову двадцать безумных планов пришло, и все оказались недостаточно безумными. Не пройти. Никак. Не проползти по канавам, не проплыть вдоль берега, не пройти в одежде мирного гражданина или стражника.

Конец.

В порт не пробиться, а завтра придет к острову линкор... тут-то потеха и начнется. Выйдут на берег высокородные, в своих жилетах серого металла, что и пулей-то не пробить, выведут лошадей, привыкших и по горам лазить, и по болотам плестись. Выгонят всех жителей из домов, с собаками прочешут остров...

Тихонько застонав, я двинулся обратно. Это что ж такое! Откуда такой переполох, такое рвение? И почему комендант готов из рук славу нашей поимки выпустить, лишь бы совсем не упустить? Словно не о почестях речь идет, а о том, чтобы голову сохранить!

Марк ждал меня под балконом. Молча выступил на-

встречу, взял за руку, прижался на миг. Я почувствовал, что сердце у него колотится. Волновался, значит.

– Плохо дело, – честно сказал я. – Порт оцеплен, не пройти. Стражи – как блох на псе. Да и псов хватает... Приплыли мы, Марк. Видно, не стоило дергаться... в руднике тоже живут.

– Если в каком-нибудь доме укрыться? – спросил Марк.

– Отсрочка. Только отсрочка.

Мы стояли во тьме, прижавшись голова к голове и шепчась. Два неудачливых беглеца, успевших к тому же руки кровью обогреть.

Самая пора себя пожалеть.

– Ничего, Ильмара так легко не возьмешь, – сказал я, даже не Марку, а себе самому.

– Много солдат в порту?

– Очень много.

– А город плотно оцеплен?

– От души.

– Тогда кто в форте?

Я заглянул мальчику в глаза. Глаза были злые и упрямые.

– Да я и не знаю толком, есть ли тут планёры. Тем более – дальние.

– Один точно есть. Как бы еще в гарнизоне узнали, кто я?

Прикрыв глаза, я начал вспоминать, не маячил ли на воде быстроходный военный клипер. Вроде бы нет. Значит, по воде нас никто догнать не мог.

– В одной сказке говорится, как лиса спряталась от собаки в конуре. Даже если планёра нет – укроемся в форте. Уж там они нас искать не будут.

А вот это было такое безумие, что оно мне понравилось.

– В сказках люди на небо по бобовому стеблю забираются! – буркнул я для порядка.

Но из всего, что мы могли сделать, поход в форт оставался единственным шансом. Пусть даже совсем крошечным.

– Только бы до света успеть, – сказал я. – Как нога?

– Болит, но несильно. Ты не бойся, Ильмар, я помехой не стану. Надо – так побегу.

– Надо будет, так ты у меня птичкой полетишь.

Я сдался.

Может, когда раньше и был форт неприступной крепостью. Сам Ушаков-паша Острова осаждал, и кипела здесь настоящая схватка. Только теперь форт осады не боялся, стены у него остались лишь с двух сторон, остальные снесли для удобства застройки; служил он просто здоровенной каменной казармой для трех сотен стражников. И сейчас, когда почти все они по городу бегали да порт охраняли, пройти в него было легче легкого.

На дороге, что вела на утесы, пост, конечно, стоял. Трое солдат-новобранцев сидели в кругу света от фонаря да в карты играли. У меня глаза на лоб полезли от такой беспечности. Тоже отпугивают, как в порту?

Обошли мы их легко, по крутому, заросшему жимолостью склону. Дул ровный бриз, кусты так шумели, что можно было и верхом, не таясь, проехать. Вышли снова на дорогу – хорошую, каменную, широкую. И тут меня сомнение взяло. Пост – это не дозор, собаки ему не положено. Собаки по острову бегают. Это как раз понятно. А все же откуда такое разгильдяйство, при тревоге-то, да у начальства под боком?.. Я снова оставил Марка одного и прошел вперед.

Верно. Был и второй пост. Двое солдат с офицером – в темноте блеснул ствол пулевика. Полчаса я за ними наблюдал, уже и небо чуть светлеть начало, пока не уверился, что и секрет обойти можно. Расслабились они под утро, задремывать стали. Я вернулся за Марком, и мы тихо прокрались мимо караула.

Сколько же времени? Часов пять утра, наверное. Еще часок нам обеспечен – хорошо, что небо тучами затянуто. А дальше все. Рассвет, солдаты в казармы начнут возвращаться, так и возьмут нас.

– Планёрная площадка за стеной, – шепнул я Марку. – Так сделаем... глянем, есть ли что, да и будем искать ухоронку. Может, жратву удастся своровать...

Марк меня и не слушал. Смотрел на развилку – одна дорога к самому форту вела, к казармам и комендантскому дому; другая к ровной площадке на утесе, где планёры сидели. Напряжен он был как струна. Долго так пацану не выдержать.

Впрочем, и я не железный.

– Давай попробуем, Ильмар, – сказал он вполголоса. –

Клянусь, я сумею планёр поднять.

– А посадить сумеешь?

– Должен.

Ничего я еще для себя не решил. Спрятаться в форту – безумие, но безумие правильное, самое подходящее для Скользкого Ильмара. А вот довериться мальчишке, что грозит планёр в воздух поднять, – я столько не выпью.

Но почему бы не поискать укрытие на планёрной площадке?

– Идем.

Дальше постов совсем не было. Видно, и впрямь, все в городе, раз такие места не охраняют.

А в общем-то чего планёры охранять? Кому они подвластны, кроме летунов высокородных?

Площадка была велика, занимала почти столько же места, как и сам форт. Да и труда в нее вложили немало – камень стесали ровнее, чем площадь перед графским дворцом. Идешь, ног не чувствуешь, как на льду. Только в отличие ото льда подошвы не скользят, камень ровный, но шершавый. Эх, сколько же каторжников здесь судьбу проклинали, киркой да ломом гранит ковыряя, на карачках ползая, шлифуя и выравнивая?.. На краю площадки, ближе к форту, высилось несколько строений, мы обошли их стороной.

А планёры и впрямь были. Целых три. Два поменьше,

чехлами брезентовыми укрытые, один большой, без чехла. Марк сразу потянул меня к нему, и я послушно двинулся следом. Проснулось любопытство... даже если помирать, так хоть погляжу на чудо из чудес, перед которым все на свете меркнет.

Планёр казался птицей. Огромной птицей, расправившей крылья, да и замершей устало, не решаясь взлететь. С каждым шагом меня брала робость. Казалось, что исполинское тело сейчас дрогнет, повернет к нам острый клюв кабины и разразится насмешливым клекотом. Я даже не заметил, что шепчу молитву Искупителю, во всех грехах каюсь да приношения обещаю.

А Марк шел вперед.

Лишь рядом с планёром я чуть успокоился. Живого в нем было не больше, чем в телеге. Крылья оказались из дерева, из тонких, решеткой переплетенных планок, обтянутых плотной, глянцевой – будто лаком покрытой, материей. Все разукрашено большими яркими аквилами и иными эмблемами. Впереди – маленькая застекленная кабина. Высокий раздвоенный хвост – тоже из дерева и ткани, все это подрагивало на ветру и тонко, жалобно стонало. Под кабиной была закреплена длинная труба, охваченная серыми металлическими обручами. Планёр держали крепкие веревки, иначе он давно бы укатился в пропасть на своих колесиках.

– Дальний, – сказал Марк. – Дальний планёр. Вот как они узнали, Ильмар. Говорил я тебе – пошлют нам вслед пла-

нёр... повезло, наш корабль его опередил.

– Значит, ты Сестре люб. – Я чувствовал, что мне надо сказать что-то правильное и лишённое мистики. Избавиться от сказочных страхов перед планёром.

Мальчишка уже лез в кабину. Я заглянул туда – два деревянных креслица, таких хлипких, не понять, как и держатся, перед передним – рычаги, педали, тяги на тросах. На доске – несколько циферблатов – механические часы, вроде бы барометр, компас да еще что-то. Стрелки и цифры на приборах были покрыты фосфором и таинственно мерцали. Все остеклено, только потолок из туго натянутой ткани, но тоже с окошечком в деревянной раме.

Марк посидел миг в кресле, озираясь. Потом потянулся в Холод – и дал мне зажигалку.

– Подсвети, Ильмар. Только осторожно, планёр горит как спичка.

Я стал светить. Зажигалка быстро нагрелась, серебро обжигало пальцы, но я терпел. Марк внимательно разглядывал приборы.

– Туши, – наконец сказал он.

Он откинулся в кресле – при его маленьком росте оно было даже удобным. Вздохнул.

– Можно попробовать. Не трусишь, Ильмар?

И до меня стало доходить – мальчишка вполне серьезен. Он собирается поднять планёр в воздух и улететь на материк.

Сестра, вразуми дурака! Отсюда – до материка! Над мо-

рем! Такое не всякому летуну под силу!

– Когда штаны будешь сушить, спроси, не струсил ли я!

Ну кто меня за язык тянет! Дать Марку по шее, да и пойти на поиски укрытия!

– Тогда посвети еще.

Я послушался, хоть зажигалка еще и не остыла. Марк между тем запустил руку под кресло. Поискал там, покачал головой. Перегнулся назад, обшарил второе кресло. Посмотрел под доской с циферблатами – я послушно вел зажигалку вслед за его лицом.

– Карт нет, – тихо сказал Марк. – Беда. Карт нет, и...

Он уставился на приборную доску. Я проследил его взгляд.

Циферблаты, рычажки... Круглая дырка, из которой торчали два стальных штыря.

– И запала нет... – устало добавил Марк.

– Не полетим?

– До материка не долетим.

– Ну так пошли, живо!

– Подожди.

Марк выскользнул из кабины. Безнадежно глянул на другие планёры, покачал головой. Потом его взгляд вновь обрел твердость.

– Летун нужен. Ильмар, пошли.

Летун?

Это мне понравилось.

Нет, Марку веры нет, не может он планёром управлять. А вот если настоящему летуну нож к горлу приставить да потребовать крепко...

– Светает уже, – напомнил я. – В форт лезть...

– Летун далеко от машины не уйдет. Надо в тех домиках посмотреть.

Тоже мне – машина! Деревяшки да парусина. Видел я настоящие машины – насос паровой, что из шахты воду откачивает, главную машину оружейного завода, от которой сто ремней ведет, и каждый станок вертит.

Вот это – машины. Котел размером с карету. Десять кочегаров уголь таскают. Пар ревет, колеса крутятся. Шатуны бронзовые ходят, блестят смазкой.

А планёр, хоть и не суеверный я, скорее на колдовскую штуку походит...

И все же я послушно шел за Марком. Голова у него работает, и сейчас его наивная отвага – полезнее моей осторожности.

Два строения были без окон, большие, хоть планёр в них загоняй. Марк их миновал, не взглянув даже. А третье – просто домик, аккуратный, но небольшой. Может, для obsługi, может, для поста. Да разве станет высокородный летун в таком ночевать? Он лучшую комнату форта займет, коменданта из постели выгонит...

Марк потянул дверь и беспомощно посмотрел на меня. Ага, мальчик. Заперто?

Я протянул руку – он без слов дал кинжал и получил в обмен зажигалку.

– Свет, – шепнул я.

Теперь Марк светил, а я работал. Замок был простенький, халтурный. Я провернул механизм, даже не выбив ключ, вставленный изнутри. Подергал дверь – так, еще засов.

Засов не поддавался. И щели не было, чтобы клинком отодвинуть.

– Никак? – одними губами спросил Марк.

– Зачем человеку голова дана? – так же тихо спросил я.

– Чтобы рукам было меньше работы.

– А руки зачем, знаешь? Чтобы не думать там, где думать не надо...

Я отошел шагов на пять. Еще раз окинул домик взглядом.

Нет, не может тут быть крепкого засова. Никто не ожидал, что придется в домишке осаду выдерживать.

Разбежавшись, я ударил в дверь плечом. Задвижка звякнула, выдирая гвозди, дверь распахнулась. Кубарем вкатившись внутрь, я вскочил – Марк, умница, заскочил следом, подсвечивая. Нормальному человеку от жалкого язычка огня пользы никакой, а я разглядел шкафы, грубую лавку, кадку с водой, вторую дверь. Пнул ее ногой – распахнулась.

А вот в этой комнате живут. Раздался шорох, испуганный вскрик. Марк уже заглядывал следом. Я скорее почувствовал, чем увидел движение, прыгнул, навалился, нащупал горло и прижал к коже кинжал. Человек испуганно затих.

Страшно оно – просыпаться с ножом у горла.

– Лампу ищи! – крикнул я. Марк заметался по комнате, зажигалка погасла. Ойкнул, налетев на что-то. – На столе ищи! – уже спокойнее добавил я. В комнате явно больше никого не было, лишние секунды роли не играли.

Наконец-то звякнуло стекло, зашипел разгорающийся фитиль. Не карбидный фонарь, керосинка...

Я посмотрел на своего пленного.

Вот незадача!

Не летун – молодая девица.

Застонав от досады, я убрал нож, сел на краю постели. Девушка сжалась у стены, натянув одеяло до подбородка. Хорошенькая. Светловолосая, волосы в косу заплетены, по модному русскому обычаю, мягкое голое плечо белой кожей светится.

– Не бойся, – сказал я. Посмотрел на Марка, зачарованно глядящего на девицу: – Нет форта, мальчик. Нет.

Девица всхлипнула.

– Где летун? – спросил я строго, но без грубости.

– В форт пошел... комендант его позвал...

Голос приятный. Гулящая девка, а ведь еще не затертая, свеженькая и соблазнительная. Куревом не балуется, с солдатами не спит. Расстарался комендант ради высокородного летуна.

– Давно?

– Нет... шум был... – Она всхлипнула. – Не убивайте ме-

ня, люди добрые, ради Искупителя – не убивайте. Я вам обоим хорошо сделаю, я умею...

– Спасибо на добром слове. – Я хмуро улыбнулся. – Когда голова в петле, о забавах не думаешь. Да не хнычь ты, не трону.

Марк оторвался наконец от созерцания голого плечика, пошел по комнате, словно вынюхивая что-то. В шкаф заглянул, потом вдруг к диванчику у стены метнулся, вскинул в руке голубые тряпки.

– Ильмар, форма!

– Так. – На этот раз моя улыбка была совсем не мирной. – А что, летун голый к коменданту пошел?

– Только плащ накинул...

Девка разревелась, не хуже чем Марк накануне. Ох, у детей да у женщин всегда глаза на мокром месте...

– Ильмар, ты погляди, – очень спокойно сказал Марк.

До меня дошло не сразу. А уж когда дошло, то пришлось глазами поморгать, прежде чем я им поверил.

– А что, подружка, – спросил я. – Летун-то твой в юбке ходит?

Словно кистенем по морде отвесили!

Я и заметить не успел, как девица из-под одеяла кулаком замахнулась. Откуда такая сила... да такой навывок... на два метра от кровати меня унесло. Лежал я на полу, кинжал, правда, не выпустив, и никак подняться не мог.

А девушка – девицей или девкой ее назвать больше язык

не поворачивался, уж больно зубы болели, – стояла у кровати. Голая, красивая и быстрая, словно не спала вовсе. Один взгляд на меня – и рванулась к Марку. Мальчишка так и застыл, таращась, наверное, не приходилось ему еще голых женщин видеть. Сейчас и ему достанется. Только он от такого удара напрочь сознания лишится...

Марк ускользнул. В последний миг, так же ловко, как девушка. Юбкой взмахнул, набросил ей на голову, да и отскочил к стене. Девушка в окно влетела – чудо, что стекло не разбилось. Через миг оба они стояли в хитрых позах, и было это одинаково смешно, потому что никогда раньше я не видел ребенка, который бы русское або знал, а уж голая женщина в стойке задиристого петуха – ничего смешнее на свете нет.

– Не сопротивляйся, мальчик, – процедила девица. – Никуда тебе не деться больше.

Он молчал, то ли дыхание берег, то ли на движении ее ловил.

Я помотал головой и стал подыматься.

– Тебе мало? – не поворачивая головы спросила девушка. – Остынь, вор, не за тобой охота.

Может, и не за мной, верю теперь. Только когда охота медведя гонит, лисой случайной тоже не побрезгуют.

– Лицом к стене стань да ноги раздвинь, – сказал я. – Не бойся, не трахну... даже бить не стану.

Чего я хотел, того и добился. Вновь она на меня развер-

нулась да и бросилась в атаку. Ну и фурия! Чисто черная дикарка, из тех что в цирках выступают, в грязи друг с другом бьются... только ее бой куда страшнее. Русское або – вещь страшная, оно не для обороны придумано, для убийства.

Об этом я и думал, когда задирать ее начал. Если хороший удар або пропустишь – можно и не подняться. Зато и поймать бойца або в атаке – одно удовольствие.

Налетела она на мой кулак – что уж тут поделывать, руки у меня длиннее, а ловкостью Покровительница не обделила. А дальше я полный ряд провел – от подсечки под колено до удара в пах. На мужиков, конечно, рассчитано, только и ей несладко пришлось.

Прости, Сестра, но ты же сама видишь – не женщина это, а дикий зверь!

Сел я ей на живот, будто собирался насильничать побидному, прижал покрепче и сказал Марку:

– Кидай сюда ее тряпки. Только карманы проверь.

Мальчишка повиновался. Я заглянул девушке в глаза, удовлетворенно кивнул. Пропала из них вся уверенность.

Неужто и впрямь считала, что может с мужиком в честном бою сладить?

– Одевайся... летунья, – сказал я, поднимаясь. Быстренько так, пока не опомнилась, а то достанет таким же ударом, как я ее. – Не срамись перед мальчишкой.

Марк ухмыльнулся. Он весь был в горячке драки, а глаза все равно нет-нет да и стреляли по голому телу.

– А ты отвернись, – велел я. – Нечего позорить девушку, не душегуб...

– Чего я тут не видел, – огрызнулся Марк, но все же отвернулся к окну. В стекле все отражалось, но я спорить не стал. Уж больно опасная девица, глаз да глаз нужен.

Всхлипывая – снова за старое взялась, только теперь меня не проведешь, девушка встала. Глянула мне в глаза:

– И ты отвернись!

Я засмеялся в голос, и она молча стала одеваться. Мне сейчас было не до ее прелестей. Многие на девицах залетают, особенно сразу, как с каторги вырвутся. Вмиг голову теряют, и насильничать готовы, и воровать без ума, лишь бы на девку заработать.

– Нужно нам кое-что от тебя, летунья, – сказал я. – Дашь – свяжем, но не тронем. А нет... прости, только все равно боли не выдержишь.

Она молчала, застегивая небесно-голубой жакет. Форма у летунов – как праздничная одежда. Голубые шелка, медные пуговицы, белые кружевные оторочки. Даже теплые чулки – в тон, из белой и голубой шерсти. Знаки различия на форме незнакомые, летунские – в виде серебряных птичек. На мужиках все это, пожалуй, слишком помпезно, а вот на девушке – заглядеться!

– А нужна нам карта, – продолжил я. – Сама знаешь, какая. И еще... запал.

Марк повернулся, кивнул.

– Ну и что? – спокойно сказала девушка. Одевшись, она снова вернула уверенность. Может, стоило голой подержать – так спесь-то живо слетает...

– Думай, подруга небесная. – Я подошел, крепко взял за руку. – Драться больше не вздумай, руки переломаю. И спорить не спорь. Давай карту и запал.

Девушка презрительно усмехнулась.

– Как тебя зовут? – резко спросил Марк. Опять тем тоном, каким солдат отвлек.

Она вздрогнула. Ответила, без особой охоты:

– Хелен.

– Романка? – на всякий случай уточнил я. Как будто высокогородная летунья может старые корни сохранить. – Так вот, Хелен, выхода у тебя нет. Делай, что велю, будешь жить.

– Жизнь без чести – хуже смерти.

– Это верно. Только чести тебя лишить – дело недолгое.

Хелен пожалала плечами. Стояла она прямо, как истинная дама перед провинившимся слугой. А ведь болело у нее сейчас все, что только болеть может.

– Когда дворовый пес гадит на тебя – это не позор. Позор псу под хвостом вытирать.

– Так, значит... – Я разозлился. – Мы для тебя – псы дворовые? Сейчас узнаешь, зачем псам зубы...

– Ильмар...

Марк подошел к нам. Покачал головой:

– Она карты и запал на Слове прячет. И не отдаст. Летунов

учат любую боль терпеть... глянь ей на плечи – там следы от игл должны быть.

Хелен яростно сверкнула глазами.

– А что тогда делать, парень?

Конечно, я понимал что. С обрыва вниз головой прыгать, все легче да быстрее померем.

– Веди ее к планёру.

– Далеко не улетишь, Марк. Запала нет, карт не знаешь.

Хелен вроде и не сомневалась, что поднять планёр в воздух мальчишка сумеет. Я это в уме отложил, но ничего не сказал. Толкнул девушку, повел перед собой, не выпуская руки.

Что он задумал, мой попутчик таинственный?

Если она боли не боится, если подкупить нечем, а разжалобить проще холодный камень?

В полном молчании мы шли к планёру. Беда, беда тяжкая, уже светло стало, уже со стен форта можно нас увидеть – двух каторжников, что высокородную летунью под конвоем ведут. Нет спасения.

Возле планёра Марк ускорил шаг, первым заскочил в кабину. Пояснил:

– Я не знаю, летунья, можешь ли ты весь планёр в Холод спрятать. Только теперь не выйдет.

Хелен молчала.

– Руби тросы, Ильмар! – велел Марк.

Не выпуская Хелен, я обошел планёр. Обрезал веревки,

удерживающие его на месте. Планёр стал подергиваться под свежим ветром. Летунья болезненно сморщилась, глянула на меня. Прищурившись, я покачал головой: «Не вздумай».

Она не стала лезть в драку. Мы вернулись к кабине, где всюду орудовал Марк. Поворачивал рычажки, давил на педали, дергал ручки. Планёр дергался, будто ожил, колебались концы длинющих крыльев, ходил налево-направо хвост.

– Машину погубите, и сами погибнете, – сказала Хелен.

– Может быть, – согласился Марк. – Только я попробую.

Выхода у меня нет.

Может, он надеется летунью тем напугать, что планёр разобьёт? Видал я таких героев, что за верного коня готовы свою жизнь отдать...

Хелен посмотрела на меня:

– Он с тобой не полетит. Побоится. Это верная смерть.

Марк глянул виновато. Я ничего не сказал. В животе стало совсем пусто и холодно, захотелось отвести глаза.

– Прости, Ильмар. Но меня-то ты не станешь держать?

– Не стану, – согласился я с облегчением. – Каждый свою смерть сам выбирает.

– Что скажешь, Хелен? – насмешливо спросил Марк.

– Тебе даже с полосы не стронуться! – Она вся подалась вперед, вцепилась в спинку кресла.

– Сдвинусь. Ветер хороший. До воды далеко, может, и выпрямлюсь. Поток восходящий, скажешь, нет?

– Все равно не дотянешь!

– Я попробую, – сказал Марк. И в голосе была такая твердость, что я понял – он полетит. Может, недолго, но полетит.

– Я с тобой, парень, – сказал я онемевшими губами. – Все равно... один конец.

– Дай запал и карты, – потребовал Марк.

– У тебя налета нет, до материка не каждый ас дотянет!

– Конечно, Хелен, Ночная Ведьма... куда мне до тебя.

Только я попробую.

Когда он назвал ее Ночной Ведьмой, по лицу девушки скользнула какая-то тень. Смесь гордости и обреченности.

– Не делай этого, Маркус. Вспомни честь!

– Моя честь со мной, капитан! Свою береги.

Вот это да. Женщина – а в чине капитана.

Значит, есть чем гордиться – с высокородным офицером справился, а какого пола – дело уже десятое.

– Разобьешься... – пробормотала Хелен. – Разобьешься, разобьешься...

Она дернулась, стряхнула мою руку, и я не стал ее удерживать. Убивать Марка она никак не собиралась, наоборот, тряслась за его жизнь. И мысль, что мальчишка разобьется, пугала ее больше собственной судьбы.

– Садись сзади, Ильмар, – велел Марк... Маркус. – А ты гляди, Хелен, как твоя птичка летать умеет.

Отстранив девушку, я полез на заднее кресло. Сестра, Сестра, образумь, что ж я делаю? Хоть часок бы еще пожить... рассвет встретить, с оружием в руках смерть при-

нять... Мысли в голове метались, будто певчие сверчки в клетке, руки противно тряслись, на лице проступил пот. И все же я забрался в тесную клетку кабины, скорчился на втором сиденье, просунув ноги под кресло летуна, на решетчатый деревянный пол.

– Втроем точно не дотянуть, – мертвым голосом сказала Хелен. – Пусть он вылезет. Я... я поведу.

Марк обернулся.

Что же это, значит, погибать? Не мне судьба покровительствовала, а мальчику-бастарду? Унесется он сейчас на планёре с Печальных Островов, а мне расхлебывать?

Марк улыбнулся во всю перемазанную физиономию. Подмигнул, и страх, что меня бросят, вновь сменился ужасом перед полетом.

– Втроем полетим, Хелен. И не спорь.

Даже не дожидаясь ответа, он полез ко мне, плюхнулся на колени, заерзал, пытаюсь устроиться удобнее.

Ночная Ведьма, летунья Хелен, обреченно посмотрела по сторонам. Будто надеялась увидеть толпу солдат, что навалятся на хрупкий планёр, не дадут ему взлететь.

Но никого не было на летной площадке.

– Искупитель... – прошептала она. Глянула на небо. И решительно полезла на переднее сиденье.

Мы с Марком затихли. Не было все же у нас полной уверенности, что она смирилась.

Дохнуло холодом. В руках Хелен возник маленький же-

лезный цилиндрик. Она не глядя всадила его в пустующее гнездо на доске с приборами.

Марк обмяк у меня на коленях. Задышал часто, словно до того от напряжения сдерживал дыхание.

Еще один порыв холода – зашуршала бумага, Хелен прижала к боковому стеклу несколько листков, щелкнула пружинным зажимом. Произнесла:

– Это смерть. Еще никто с таким грузом до материка не летал. Даже на «фальконе».

– А ты попробуй, Хелен. Я тебе верю, – без всякой насмешки сказал Марк.

Что ж, по крайней мере не один помру. Вместе перед Искупителем встанем, за грехи отчитываться.

Хелен впереди возилась с рычагами. Похоже, все самое необходимое сделал Марк – ее руки то и дело замирали на полпути.

– Держитесь, – сказала она наконец и дернула что-то на доске.

Сзади взревело. Я в ужасе обернулся.

– Не бойся, Ильмар, не бойся, это ракетный толкач, чтобы скорость набрать, без него трудно подняться, – торопливо сказал Марк. – Только не дергайся, не качай планёр.

Рев нарастал. Сквозь заднее стекло я видел, что из хвоста планёра вырывается сноп дымного огня. Не загореться бы... но они же все так летают... наверное, по уму сделано...

Планёр дрогнул и покатился вперед. Очень резко, видно,

колеса на тормозах стояли, а теперь Хелен их отпустила.

– Спаси, Искупитель! – вскрикнула летунья.

Я закрыл глаза и начал молиться Сестре. Кому молился Марк – не знаю. Может, и никому. Только и ему было страшно: он обхватил меня, зарылся лицом в грудь.

– Не бойся... – прошептал я, не открывая глаз. Как он управлять планёром собирался, если так боится? Или притворяется, своим страхом меня в чувство приводит, чтобы не начал метаться, не сломал хрупкую кабину?

Открыв один глаз, я увидел, как несется навстречу край обрыва. А еще увидел взмывающие над фортом сигнальные ракеты. Заметили. Поняли.

Только поздно.

Под нами мелькнуло море.

Вот и все...

Или еще нет?

Планёр дрожал, бился в судорогах, сзади ревел «ракетный толкач», о котором говорил Марк. Неужели та дурацкая бочка с обручами – ракета? Как в сказке про барона Мюнхгаузена, что на ракете в Китай слетал...

А море несло под нами и не думало приближаться. Наоборот, мы поднимались все выше. Хелен застыла впереди мраморным изваянием, руки ее вцепились в рычаги.

Я открыл второй глаз. Посмотрел на Марка. Тот слабо улыбнулся. Прошептал – я прочел по губам: «Не бойся».

Ах ты маленький паршивец! Вовсе тебе не страшно, ты

меня успокаиваешь!

– Спасибо, – сказал я, надеясь, что он услышит.

Глава пятая, в которой нам салютует линкор, а мы ему отвечаем

Ко всему можно привыкнуть.

Даже к тому, что летишь как птица... да нет, быстрее и выше любой птицы. Я по-прежнему был в испарине, и к горлу подпирал комок, но на смену паническому оцепенению пришла какая-то бесшабашная болтливость.

– Эй, Ночная Ведьма! А пожрать у тебя ничего не найдется?

На миг Хелен повернула голову, одарила меня ненавидящим, хоть и удивленным взглядом. Снова уставилась на свои приборы.

Марк заерзал. Крикнул:

– Сбрасывай толкач!

– Ты меня еще рожать поучи, – презрительно откликнулась летунья. Я подумал, что рожать-то ей вряд ли доводилось, судя по крепкому животу, и поддержал мальчишку:

– Давай, делай что велят!

На этот раз она ответила:

– Будь ты один – сама бы планёр в воду воткнула. Но мальчишку я доведу... попробую... молчал бы, душегуб.

– Я честный вор, – обиделся я.

– Сбрасывай толкач! – снова сказал Марк. Он был испуган. – Хвост подпалим!

Хелен помедлила еще миг. Потом рванула один из рычагов. Планёр дернулся, рев мигом стих, и я увидел в окно, как падает, кувыркаясь, дымящийся цилиндр. Вот была здоровая длинная труба, вот он превратился в карандаш, а вот уже точка несется к волнам, рассыпая искры и оставляя дымную полосу.

Мне снова стало жутко. Я ощутил высоту.

– Только не паникуй! – Марк говорил слишком громко, еще не оценив наступившей тишины. Хелен презрительно глянула на меня – и это помогло. Пацан не боится, женщина не боится, один я трястись буду?

Нет.

Решимости хватило на минуту, в течение которой я разглядывал светлеющее небо, оранжевую полосу восхода и убеждал себя в надежности планёра. Потом я почувствовал, как он клюет носом, словно лодка на крутой волне. Хелен впереди дергала рычаги, мы то заваливались на крыло, то проваливались в бездонную яму. Море и небо мелькали в окнах, будто решили шутки ради местами сменяться. Меня бы давно уже стошнило, не будь желудок безнадежно пуст. Я вцепился в спинку переднего кресла, и тонкое дерево затрещало.

– Утихомирь его! – бросила Хелен. – Быстро!

– Вниз, ведьма! – завопил я. – Са... сажай... я... убью!

Марк впился в меня, попытался придавить к креслу. Какой там... я толкнул его так, что мальчишка спиной уперся в матерчатый потолок. Дрожащая под напором ветра ткань захрустела, разрываясь. Марк дико закричал.

Это меня отрезвило. Не то чтобы страх совсем пропал, но на миг я о нем забыл. Глаза у Марка от ужаса стали круглыми, пальцы закаменели на моих плечах. Я рывком прижал его к себе, обнял. Холодный ветер хлестал по лицу, врываясь в кабину.

– Поворачиваю к острову, – сказала Хелен. – Сейчас сядем.

Марк ничего не ответил – краткий миг, когда он торчал из планёра спиной наружу, убил все его мужество. Поэтому я выдернул из-за пояса нож и коснулся шеи летуны.

– Мы летим к материку. Слышишь?

Планёр по-прежнему дергался из стороны в сторону. Хелен молчала.

– И хватит пугать, – добавил я. – Да, мне страшно! Только вбей в свою красивую головку – на остров я не вернусь. Прирежу тебя, если обратно повернешь. Ясно?

Теперь планёр летел ровно. Неуловимыми движениями рук Хелен направляла его на верный курс. И высоту мы перестали терять, опять поползли вверх, в полной тишине, и это было страшно, но в то же время прекрасно. Лишь ветер хлестал в прорванную обшивку.

– Спрячь кинжал, – сказал я Марку. Тот взял нож и убрал

в Холод – без единого слова, как во сне, еще не отошел от страха. Что-то я побаиваться стал оружия в своих руках – тем более в такой ненадежной штуке, как планёр. От ветра слезились глаза, Хелен тревожно оглядывалась на прореху.

– Есть у тебя иголка с ниткой? – спросил я ее.

– Под креслом, – быстро ответила летунья. – Аккуратно шей.

Я похлопал Марка по щеке – он слабо улыбнулся, приходя в себя. Пробормотал:

– Спасибо.

– За что спасибо, дурачок, я же сам тебя чуть не выпихнул...

– За то, что опомнился.

Пошарив под креслом, я и впрямь нашел – порезанным день назад пальцем, не везет же ему, – воткнутую в чехольчик сиденья кривую парусную иглу с вдетой нитью. Вовремя – материя медленно расползлась под напором ветра. Марк забрал у меня иглу и стал неумело стягивать прореху. Над кабиной ткань лаком не покрыта, но все равно проколоть трудно.

– Края крепи, – посоветовал я. – Вначале края, потом все зашьем.

Небо светлело. Мы летели навстречу восходу, планёр больше не трясся, а будто по невидимым волнам скользил. Я покосился налево, направо, вверх глянул. Небо самое обычное, словно и не летим, ничуть ближе не стало.

Вроде бы я окончательно опомнился. Страх сжался в груди, затаился, давил на сердце, но все-таки не превращался в панику. Марк терпеливо трудился, прореха уже была почти затянута.

– Гнилая твоя машина, летунья, – сказал я. – Неужели покрепче не могли сделать? Деревом обшить...

– Ты еще предложи из железа планёры строить, – фыркнула Хелен, не оборачиваясь. Я понял, что сказал глупость, и перестал срамиться, замолчал. Ясное дело, она же говорила: планёр большой вес поднять не может...

– Ильмар... – сказал вдруг Марк, тихо, на выдохе. – Глянь налево...

Я посмотрел – и вздрогнул. По свинцовым волнам полз, рассекая острым носом воду, линкор. Даже с высоты он казался громадным... неужели эти точки на палубе – люди?

– «Сын Грома», – сказал Марк. Странное что-то прозвучало в его голосе – гордость пополам с тоской.

Паруса на корабле были спущены, значит, он под машиной. Из трех высоких труб валил черно-бурый дым, линкор шел на полном ходу. Это с небесной выси кажется, что он медленный и неуклюжий, а на самом-то деле таран волны режет, вода бурлит за кормой, и от материка до Островов корабль за два-три дня дойдет, особенно если ветер попутный дунет. Палуба у корабля была деревянная, выскобленная добела, а вот борта обшиты золотом до самой ватерлинии. Дом небось и на железо бы не поскупился для лучшего корабля

Державы, но проржавеет такой корабль.

– Какой сигнал приветствия? – вдруг спросил Марк. Хелен молчала. – Качни крыльями! Быстро!

Она повернула голову. Зло улыбнулась Марку.

– Умный ты, жаль, что дурак. Качну, не бойся. Корабль первым сигналить должен.

Над бортом встал дымок – ударила пушка. Холостым вроде.

Планёр качнулся, Хелен ответила на приветствие. Было в этом что-то титаническое, божественное, выше мелких людских забот. Плывущий по океану гигантский корабль, могучий и величественный, и несущийся над ним планёр – хрупкий, презревший тупую силу ради быстроты и легкости.

Вот в такую минуту даже вор вроде меня гордость испытывает – за Дом, за Державу, за гений человеческий.

И в то же время – смешно. Я, тать ночной, планёр угнал, и мне же преторианский линкор салютует...

– Сколько лететь будем? – спросил Марк у Хелен.

– Если повезет – часов пять.

– А если нет?

– Падать здесь и минуты хватит.

Нет. Не буду больше пугаться.

Раскинувшись поудобнее, сколько позволила теснота, я снова спросил:

– Хелен, так есть у тебя что из еды или нет?

– Неужели аппетит проснулся? – съязвила она.

– Сутки я не ел, сладкая моя.

– Мной подавишься, – фыркнула летунья. Помолчала, потом неохотно сказала: – Сзади... на твоём кресле – карман сзади.

Мы с Марком столкнулись руками, выдирая из кармана тугой пакет.

– Не трясите планёр, обжоры! – крикнула летунья. Какой там! Нам теперь все равно было, мы до еды дорвались. Не слишком много в пакете нашлось – пара засохших бутербродов с сыром, яблоко, апельсин, половинка жареной курицы, стеклянная фляжка. Смололи мы все вмиг, и я себя на том поймал, что очень не хочется делиться с Марком поровну... мальчишка ведь, ему меньше надо...

Тьфу ты, ну почему натура человеческая такая мелочная? Как с каторги убежать – я из-за мальчишки шеей рискую! Как ухоронка с железом или куриная лапа – от жадности корчусь!

– Бери. – Я отдал Марку надкушенный вместе с кожурой апельсин. Словно наказывал сам себя.

Мальчишка спорить не стал, жадно слопал фрукт. А я откупорил фляжку, нюхнул...

Эх, Галлия, земля щедрая! Коньячок из лучших, таким и аристократ не побрезгует! Сивухой не прет, язык не обжигает, а в животе словно костер развели, тепленький, ласковый.

Хмельть я начал тут же, на третьем глотке. На пустой желудок, да хорошего коньяка – много ли надо?

– Будешь? – дружелюбно спросил я Марка.

– Угу. – Он сделал маленький глоток, поморщился, вернул фляжку. Виновато признался: – Я вино больше люблю.

– А ты, летунья?

Сейчас я весь мир любил.

– Жить надоело? – отрезала Хелен.

Ну, не хочет, как хочет. Может, и впрямь, не стоит пьяно-му хитрой механикой управлять.

Через минуту меня потянуло в сон. Марка тоже сморило. Какое-то время мы возились, пытаюсь устроиться удобнее на крошечном сиденье. Хоть мальчишка и худой, но уже не такой маленький, чтобы на коленках его держать. Эх, маловат планёр... будет ли когда такое, что планёры размером с линкор над океаном понесутся? Я бы слетал. Дело нехитрое, когда летун умелый: сиди, держись крепче, слушай, как ветер парусиновые крылья треплет...

Дважды я просыпался – так, на миг, когда планёр начинал кружить в поисках попутного ветра. Один раз заметил, что солнце в спину светит, и схватил Хелен за плечо:

– Куда летишь, ведьма!

Она вздрогнула:

– Поток ищу! Успокойся, вор, на Острова нам уже не вернуться, не тот ветер!

Марк открыл глаза, протянул руку, взял карты. Вглядывался в них минуту, потом вернул Хелен.

– Все правильно, Ильмар...

И тут же заснул снова.

Правильно так правильно. Я уснул. Мне снилось, что мы снова взлетаем с острова, ревет ракетный толкач, только это уже было не страшно, наоборот, я сам сижу на переднем креслице, дергаю рычаги, и матерчатая птица послушно взмахивает огромными крыльями...

– Маркус! Ильмар! Маркус!

Проснулись мы вместе. Колени у меня затекли, не разогнуть... вот незадача, будто Марк, уснув, потяжелел чуть не вдвое.

– Плавать умеете? – отрывисто спросила Хелен.

Впереди тянулись скалы. Берег! Сестра-Покровительница, и вправду – берег! И не какой-нибудь там остров, Европа впереди, Держава...

Вот только море было под нами. Совсем рядом. Казалось, что пенные брызги с верхушек волн вот-вот захлестнут планёр и утянут за собой, на дно.

– Толкач включай! – закричал Марк. – Хелен, толкач!

– Я его час назад сожгла, – хмуро отозвалась летунья. – Крепко же ты спал, мальчик...

Значит, не примерещился мне рев ракетный...

– До берега доплывешь? – спросила Хелен.

– Нет, – ответил я. – Ноги затекли.

– О тебе речи нет, дурила, – отозвалась девушка. – Маркус, доплывешь?

До берега с милю еще было, и я головой покачал. Никому

тут не доплыть, вода холодная, море бурное.

– Нет, Хелен, – спокойно сказал Марк. – Не доплыву я. Тяни уж... Ночная Ведьма. Звездный час твой пришел... сама ведь знаешь, чего я стою.

Она обожгла его разъяренным взглядом. И снова в свои рычаги впилась. А планёр дергался, носом клевал, все ниже и ниже клонился.

Когда с острова взлетали, я того боялся, что море далеко. Теперь – вот как все повернулось! – наоборот. Убиться-то мы не убьемся, наверное. Только внизу – буруны да камни, а впереди – обрыв да водяные валы, дробящиеся о скалы в пыль. Изломает планёр, и из кабины не выберемся. А и выберемся – не доплывем до берега. А и доплывем – прибой непочем живыми не отпустит.

– Тяни, ну тяни же, Хелен! – крикнул Марк. – Как в Далмации тянула, когда зажгли тебя! Тяни, Ночная Ведьма! Прошу тебя!

Девушка молчала, вся в свою механику ушла, будто частью планёра стала. И пусть мне самому было страшно, но не восхититься ею я не мог.

Неужто и впрямь она из тех летунов, что в горах воевали, бомбы на головы гайдукам бросали? У нее же, наверное, Железный Орел с венком за храбрость, особой аудиенции с Владетелем удостоена... Тяни, Хелен, тяни свою машину! Никогда больше тебя ногой по животу не ударю, клянусь! Только долети до берега! Сестра, Сестра-Покровительница,

глянь на меня, пропадаю! Искупитель, дай время повиниться, много зла на мне, не успею все вспомнить, пока тонуть буду!

Планёр уж было совсем к воде прижался, и Хелен такое словечко выдала, что не всякий мужик решится повторить. И словно того дожидаясь, планёр вдруг вверх подался, тяжело, но все же вверх! Правду, видно, говорят русские, что черное слово беду прочь гонит!

– Давай! – радостно крикнул Марк.

Скалы надвигались, и летели мы на одном с ними уровне. Высокий берег, больно уж высокий. Неужели врежемся в камень?

Но, видно, не зря Хелен славу имела!

Перед самыми скалами, когда, казалось, я уже листики на кустах случайных различал да ополоумевших чаек, над гнездами мечущихся, вздернула она машину, будто норовистого коня перед барьером. И не подвел планёр, перемахнул скалы, чиркнул брюхом по земле, захрустело дерево, затрещали колеса на буграх. Помчались мы, еще быстро, но уже по тверди, и планёр на ходу рассыпался, нас, драгоценных, оберегая, стекла в окошках бились и сыпались – я Марка к себе прижал, лицо от осколков укрывая, и сам зажмурился. А Хелен впереди ругалась по-черному и плакала навзрыд при каждом треске – все это в те короткие миги, пока мы останавливались.

Только в таких слезах я ее никогда не упрекну. Летуны не

зря у Дома в чести, это я накрепко понял. И водить планёр – куда большее умение и храбрость нужны, чем по полю боя на пулевики скорострельные ходить...

Небо-то какое далекое...

Лежал я, присыпанный деревом и стеклом вперемешку, пол-лица тряпка оторвавшаяся прикрывала. Только одним глазом и мог смотреть вверх. А пошевелиться страшно. Ног не чую. Неужели хребет сломал и теперь доживать калекой? Кому безногий вор нужен? Только палачу...

Не дело, видно, людям по небу летать. Совсем не дело.
– Ильмар!

Марк стащил с моего лица тряпку – я даже разглядел на ней шов и ухмыльнулся тому, что торопливая штопка пережила планёр. Мальчишка вроде ничуть не пострадал, стоял прямо, лишь на ногу чуть припадал, но это еще с Островов, это ничего...

– Ты как?

– Ног не чую, – пожаловался я. – Конец мне, парень. Вот оно как... летать...

Марк задумчиво смотрел на меня. Потом сообщил:

– Ты вроде не обделался...

– Да ты в своем уме! – рассвирепел я. – Чего несешь!

– Когда позвоночник ломают, то под себя ходят, – сообщил Марк. – Пошевели ногой.

Я попробовал, но ничего не ощутил.

– Нога шевелится, – сказал Марк.

Приподнявшись на локтях, я глянул на ноги. Напрягся.

И впрямь – двигаются.

– Как же так, словно немые... – прошептал я.

Мальчишка вдруг засмеялся:

– Ильмар... да я же у тебя на коленках четыре часа просидел... отдал тебе ноги. Пройдет!

– Тьфу ты...

Встать не получилось, зато я сел. Ноги и впрямь начало покалывать.

– Отъел задницу, – абсолютно несправедливо ругнулся я на мальчишку. – Где летунья?

– Вон...

Хелен сидела в стороне. Левая рука у нее была замотана в самодельный лубок, она как раз затягивала зубами последний узел.

– Поломалась немного, – пояснил Марк. – Да не беда, главное – живы.

– Тебе все не беда, сам-то целехонек...

Я огляделся. Вокруг, метров на сто, не вру, валялись обломки планёра. Здесь, наверху, берег был довольно ровный, абсолютно пустынный. Пригорки, песок, редкие чахлые кустики. Шум моря под обрывом позади почти не слышен.

– Хелен! – крикнул я. Летунья обернулась. – Спасибо!

Она непонимающе смотрела на меня.

– Хелен, ты посмелее любого мужика! – сказал я. – И по-

искуснее. Спасибо, что жизнь спасла, что в панику не удари-
лась. Может, я и вор презренный, только все равно буду за
тебя Сестру с Искупителем молить!

Девушка дернула плечами. Ее голубая форма была вся
изорвана, блузку большей частью она на лубок пустила... и
все же ей явно понравились слова.

– Плохая я летунья, Ильмар-вор. Планёр разбила. Знаешь,
сколько планёр стоит?

Откуда же мне знать. Много, наверное. Я за всю жизнь,
может, столько не украду...

– Хорошая ты летунья, Хелен. Спасибо.

– А ведь ты к Виго тянула, Ночная Ведьма, – вдруг сказал
Марк. – К гарнизону планёрному. Потому мы едва не сгибли!

– Уж очень ты смысленый, Маркус, – откликнулась Хе-
лен.

Мальчишка усмехнулся. Он очень спокойный был, и да-
же чумазое лицо, грязная одежда, рваные штаны не могли
скрыть этой уверенности.

– Мы где-то вблизи Байоны упали, – сказал Марк. – Зна-
комые места?

– Не пропадем, – успокоил я его. – Доберемся до горо-
да, отъедемся... ветчину тут хорошо готовят, переоденемся.
Будь спокоен, я тебя не брошу.

Что-то меня тревожило. Не так все шло. Совсем не так,
как я думал.

– А деньги откуда? Воровать будешь?

Я помедлил, но все же полез рукой в карман и достал увесистый железный слиток.

– Сукин сын! – закричала Хелен. – Лишний вес тащил!

На эти слова я не отозвался. Невелик вес. Зато хватит денег домой добираться.

Марк улыбнулся, глядя на железо. Конечно, он не заметил, как я прихватил его из купеческой ухоронки.

– Встать можешь, Ильмар?

Я попробовал.

– Нет пока. Да не стой ты, парень, помоги ноги растереть...

– Не можешь – это хорошо, – вдруг сказал Марк.

Глаза у него были виноватые, но не слишком.

– А ноги ты сам разотрешь. Ладно? Мне пора, Ильмар-вор. Спасибо тебе за все, теперь разойдемся.

У меня челюсть отвисла.

Хелен захохотала, откидывая голову. Радостно и неподдельно.

– И тебе спасибо, Ночная Ведьма, – сказал ей Марк. – Ты и впрямь лучшая из лучших.

– Никуда тебе не деться, Маркус. – Она перестала смеяться. – Все равно ведь схватят. Сам знаешь.

– Знаю, – согласился он.

– Повинись, мальчик. Повинись и сдайся. Дом простит...

– А вот это уже не твое дело, – отрезал Марк. – За себя бойся.

– Ты что же, гаденьш, уходишь? – Ко мне вернулся дар речи. – Я тебя от рудника избавил, а ты бросаешь? Да я тебя придушу, щенок!

Мальчик повел в воздухе рукой. Губы его шелохнулись.

Я первый раз увидел, как лезут в Холод при ярком свете, и так близко.

Просверк – солнечный луч на острие, что выползает из ниоткуда.

Порыв ветра. Холодного ветра.

Марк стоял с кинжалом в руке и смотрел на меня.

– Достойный поступок для мальчика твоей крови, – сказала вдруг Ночная Ведьма. Марк ее будто и не услышал. Протянул мне нож, держа за лезвие, как положено.

– За мое спасение, Ильмар-вор, жалую тебя клинком Дома и титулом графа... – он замаялся, – графа Печальных Островов.

Хелен от хохота упала на землю. Ударилась сломанной рукой, застонала, но смеяться не перестала.

– Владей по праву, применяй с честью.

Я машинально взял клинок. Посмотрел на узорную рукоять, на протравленное лезвие.

И впрямь – герб Дома. Аквила – орел, парящий с мечом в лапах.

Неужто Марк так родовит, что с малолетства вправе титулы жаловать?

– Прощай, Ильмар-вор.

Марк повернулся и пошел. Спина все же напряженная была, будто боялся он, что метну кинжал. Но шел ровно и не спеша. По песку, через кусты, все дальше и дальше.

– Граф Ильмар, позволено ли будет бедной летунье присесть в вашем присутствии?

Хелен стояла надо мной, слегка согнувшись в насмешливом поклоне.

– Хозяин Печальных Островов, почему вы так спешно покинули свои ленные владения?

Она не удержалась, снова приснула, как молоденькая глупая девчонка. Уселась рядом, сказала почти ласково:

– Граф... Граф-вор.

– Не смейся, летунья, – сказал я. – Все воры. И графы тоже. А над больным смеяться – последнее дело. Тебе руку сломало, мальчишке ум растрясло...

Хелен покачала головой:

– Ты не прав, граф Ильмар. Есть у него право дворянство жаловать. По крайней мере было. Только особо не радуйся, титул с тебя мигом снимут...

– Титул не снимают, – огрызнулся я, будто принял слова о дворянстве всерьез.

– Еще как снимают. Вместе с головой. Давай разотру тебе ноги.

Я молча спустил штаны, и Хелен принялась здоровой рукой массировать голени. Без брезгливости, не морща нос от грязи и пота.

Она и не такую грязь повидала, наверное.

– Он что, столь высокороден? – спросил я.

– А ты даже не знаешь, кто твой дружок? – Хелен хихикнула. – Ох, какие графы нынче необразованные... Высокороден, не сомневайся. Колет ноги?

– Колет.

– Хорошо. Сейчас за мальчишкой двинемся.

– Зачем?

Хелен вздохнула:

– Возьмем живым, так и ты жить останешься. И не просто жить, а с титулом. Я скажу, будто ты с самого начала мне помогал. Слово чести!

Кажется, она не шутила. Да и не шутят высокородные с честью.

– Нет. Пусть идет. Мы с ним вместе бежали, он за меня смерть в вину взял. Не стану я его ловить, Ночная Ведьма.

– Я особо и не надеялась, – просто ответила Хелен.

– Сама беги... если хочешь.

– Не могу. Тоже зашибла ноги, Ильмар. Из меня сейчас ловец... как из тебя граф.

– Давай тоже разотру, летунья...

Потянулся было к ней я, опомнился и замер. Мы устали друг на друга.

– Это от страха, – сказала Хелен. – От страха всегда так. Хочется... жизни радоваться.

Я провел ладонью по гладкой белой коже. Спросил:

– Ну и как, летунья, рады мы жизни?

Секунду она колебалась. Зрачки у нее расширились, губы дрогнули:

– Рады... граф.

И черные женщины у меня были, и китайки. А вот высокородных – никогда. Происхождением не вышел. И все дружки, что про любовниц-графинь рассказывали, ввали напропалую, это уж без сомнения.

Одно обидно – не меня она хотела, а жизнь в себе почувствовать.

И не Ильмару-вору отдалась, а Ильмару-графу. Пускай даже графу на час.

А так... как с черными. Вначале непривычно, а потом видишь – женщина как женщина.

Страстная она оказалась, будто ее год в одиночной камере продержали, да еще со связанными руками. Только и я – от пережитого, от свободы нахлынувшей, от тюремного воздержания был грубый как насильник.

Кажется, именно это ей и понравилось.

Потом я лег рядом, положил Хелен руку на упругий животик, посмотрел искоса. Довольна? Довольна.

А вот у меня настоящего удовлетворения не было. Так... одно облегчение да сладкая усталость.

Будто не по правде все, а сон любовный приснился.

– Ноги-то разошлись? – спросила Хелен. – У меня вроде да. Даже рука меньше болит.

Она улыбалась, а мне вдруг противно стало. Что же это, я для нее лекарством послужил? Поднялся – ноги и впрямь слушались, стал одеваться.

– Не сердись, Ильмар, – сказала летунья. – Злая я сейчас. Маркуса упустила, планёр разбила. Перед Домом ответ держать...

– Пошли со мной, – сказал я. – Выбираться вдвоем легче. Хелен облизнула губы.

– Ты иди, Ильмар-вор. И быстрее иди. Здесь пост есть, башня стоит неподалеку.

– Какая башня?

– Наша башня, летунов. Погоду изучать, ветра. Карты там составляют, чтобы летать над побережьем. Они планёр должны были увидеть, вышлют сюда конный разъезд. Ты уходи на север, к Виго. Я не скажу, куда ты пошел.

Вот оно как.

Судьба у вора – простая. Хватай да беги. О друзьях не думай, девиц выбирай на час.

– И на том спасибо, Хелен.

Кинжал я за пояс спрятал. Может, я теперь и граф, только все одно – Слова не знаю.

– Удачи тебе, вор Ильмар.

– Какой удачи, Ночная Ведьма?

– Тебе теперь жизнь сохранить – вот и вся удача. Забейся в щель, да и живи тихонечко. Кинжал лучше выбрось в море, слишком вещь приметная.

– Вор Ильмар подумает, – сказал я.

Хелен улыбнулась мне с земли. Она по-прежнему лежала нагая, не стесняясь... хотя чего уж теперь стесняться? Красивая, умная и, как всегда, не моя.

Отвернулся я и захромал потихоньку на север, к Байону, к Виго. Ноги еще слушались плохо.

Но все же Хелен была права – разошлась кровь в жилах.

Испытанный, видно, способ.

Часть вторая

Веселый город

Глава первая,

в которой меня трижды

называют дураком, а я и не спорю

Осень – она всюду осень. Даже на солнечной лузитанской земле. А уж в веселом вольном городе Амстердаме – тем более.

Холодно нынче. И дождь накрапывает, мелкий, противный. Две недели прошло, как я с Печальных Островов удрал... из ленного своего владения – посмеемся-ка вместе. За полмесяца всю Державу с юга на север пересечь – занятие утомительное. Даже если превращенный в денежки железный слиток позволил путешествовать с комфортом: в одежде торговца, на быстрых дилижансах во втором, а то и в первом классе. И отсыпался я не под кустом, не в притонах бандитских, а в хороших гостиницах, что нынче вдоль дорог как грибы растут. Отъелся, даже раздобрел немного. В зеркало посмотреть – не жесткая грязная морда каторжника, а благообразный лик мирного гражданина. Чем-то на священника

похож. Надо будет запомнить для случая.

Почему же я себя чувствую дурак дураком?

Вот сейчас, например, когда стою перед «Оленьим Рогом», охотничьим ресторанчиком, который не только блюдами своими славен. Стою и пялюсь на плакат, уже от дождей посеревший и разлохматившийся. Всю дорогу я эти плакаты вижу, от самого Бордо, а все равно – не могу мимо пройти.

На плакате – в хорошей типографии сделанном, немалых денег стоящем, – два рисунка. Один – угрюмый тощий мужик с лицом душегуба, с гладко выскобленным подбородком. Над портретом написано «Ильмар-вор», но только никто меня в этом уроде не узнает.

Дело-то, в общем, нехитрое, когда тонкости знаешь. Как перед тюремным рисовальщиком усесться, как уголки рта опустить, щеки втянуть, брови нахмурить, глаза сощурить. Все по чуть-чуть, а в итоге – ничего похожего. Рисовальщик, конечно, тоже все эти приемы знает, но он один, а каторжников много, и каждого запечатлеть надо на случай побега, и у каждого свои способы обмануть наметанный глаз. Прикрикнет рисовальщик раз, другой, ты вроде и послушаешься, а все равно толку с такого портрета нет.

Вот он я, стою перед плакатом, призывающим меня поймать и обещающим награду в тысячу стальных марок! Ну, добрые граждане, кто первый?

Мимо все идут. Романским языком написано – «Ильмар-вор». А перед плакатом стоит вальяжный господин в до-

рогом плаще и сапогах мягкой кожи, сразу видно – из тех, что к высокородным вхож. Это в Байоне меня схватили бы, едва лица сравнив. К счастью, не было тогда еще плакатов, не успела Хелен, Ночная Ведьма, рассказать, кто с каторги бежал.

А вот второй рисунок – первому не чета. Марк на нем как живой, и не быстрой кистью усталого рисовальщика набросан, а опытным гравером прорисован черточка в черточку. Недавний совсем портрет, мне сразу видно. Когда мальчишка на этап попал, он еще ничуть повзрослеть не успел. Одежка, конечно, на портрете не та, хоть и не передаст гравюра, несмотря на мастерство печатника, все богатство камзола, шитого золотой и стальной нитью вперебивку. Блеск перстней драгоценных на тонкой кисти, что эфес меча обхватывает, тоже лишь угадать можно. А от взгляда – томно-усталого, повелевающего, на Печальных Островах одно только упрямство и осталось.

Только все равно похож. Один в один.

Над портретом тоже надпись: «Маркус, младший принц Дома».

Аристократы бывшими не бывают, потому здесь этого слова нет. А следовало бы, раз весь Дом, от Владетеля нашего, Клавдия, до последнего захудалого барона призывают схватить Маркуса, аристократа тринадцати лет от роду, пусть младшего, но все же принца...

И ведь даже имя не сменил, паршивец! Марком и назы-

вался. Имя обычное, и то, что так принца зовут, никого не насторожило. Но все равно – какова наглость!

– Почему их до сих пор не схватили?

Я посмотрел на стоящего рядом. Вполне благополучный бургер. Потому и со мной заговорил, что решил – ровня. С короткой бородкой вроде моей, что для маскировки отпущена, лицо как будто благопристойное, но дряблое, жизнью пожеванное. На груди висит золоченая подковка магнита с прилипшими железными дробинками. Модное украшение, показушное. Может, конечно, магнит на самом деле и не магнит, а простое золото, а то и вовсе медяшка, к которой дробинки приклеены... дробинкам цена грош, а вот подковка такая немало стоит.

– И не говорите, уважаемый, – согласился я. – Безобразие. «Виновен в тяжких преступлениях против Дома и общественного покоя. Доставить только живым. Награда – пятьдесят тысяч стальных марок, прощение всех прежних грехов и дворянский чин от барона до графа, в зависимости от изначального благородства ловца».

Гражданин даже облизнулся и закивал.

– Еще тысяча за каторжника, – мечтательно сказал он. – Всего, значит, пятьдесят одна тысяча стальных...

Он будто невзначай коснулся подковки магнита и стал перебирать дробинки, отлепляя их и снова сажая на невидимую привязь. Значит, настоящее украшение. А хозяин его – позер, каких мало...

– Каторжника можно мертвым, – поддержал я. – Все легче.

– Не говорите, милый друг. Только где их теперь сыщешь?

Я вздохнул:

– Да, любезный. А не знаете ли вы, вкусно ли кормят в этом ресторане?

Бюргер скосил глаза на вывеску. Кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.